

Руфина Мур

18+

4 степень

роман

Руфина Айратовна Муртазина

4 степень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42804980

SelfPub; 2019

Аннотация

Роман о любви и ненависти, жизни и смерти, благодетели и коварстве. Название "4 степень" – глубокая метафора, относится не только к медицине. Это, в первую очередь, гиперболизация чувств и эмоций. 4 степень любви, о чем еще можно мечтать? Окунувшись в эту историю, вы уже не захотите возвращаться в реальность. Роман поглотит вас целиком, судьбы героев затронут каждую клеточку вашей души, и, дочитав его до конца, вы поймете: "4 степень" – это не вымышленная история человека. Это жизнь. Это реальность. Это вы.

-Ты готова?

-Да, дай мне минутку.

-Я пока вынесу чемоданы.

Я в последний раз оглядела свою комнату. Мне хотелось запомнить все, что происходило здесь. Даже вид из окна. Сегодня прекрасная погода, осень прекрасна в своем затишье перед зимними бурями. И я боялась впускать в себя грусть. Мой отъезд – единственный выход. Я сама этого захотела.

На улице было свежо и морозно. Я укуталась в свой любимый шарф.

-Ты уверена, что хочешь уехать? – спросил отец, вглядываясь в мое лицо.

-Да, конечно. Я соскучилась по бабушке. Да и давно не была в Нью-Йорке.

-Просто ты грустная.

-Это мой дом. Я прожила здесь всю жизнь, естественно, что мне грустно.

Папа молча закрыл багажник и сел за руль. Я пыталась сдерживать нахлынувшую волну слез. Кажется, именно сейчас пропал смысл моей жизни. Сколько бы боли во мне сейчас не было, я хотела уехать. Мне здесь стало слишком тяжело, слишком.

Полет из Сиэтла в Нью-Йорк не займет много времени. Это радовало, я никогда не любила долгие часы в пути, особенно сейчас, когда есть о чем подумать. Есть о чем пострадать.

И именно в этот день начинается новая жизнь. Сложно представить, какой она будет. Мне кажется, что хуже быть уже не может. Я и так многое потеряла. Что-то должно измениться к лучшему. Мне сейчас это так необходимо.

Отец не стал устраивать прощальных церемоний. С одной стороны, меня это радовало, но с другой... я чувствовала какое-то облегчение с его стороны. Он был рад моему отъезду? Возможно.

Глава первая

–Джейн, проснись, милая. Уже восемь часов утра, я завтрак приготовила.

–О, бабушка, ты садистка! Будить в такую рань, это непростительно! – ныла я, закрывая лицо одеялом.

–Нечего спать, такая погода на улице! Грех тратить свое время на сон.

–Значит, я сумасшедшая грешница, дай мне хотя бы часик!

–Никаких часиков, и ни минуты!

–Хорошо-хорошо, встаю, видишь?

–Иди в душ. Он тебя приободрит.

–Несомненно, – закатив глаза, буркнула я.

Я надела толстовку через голову, тапочки и пошоркала в ванную. Зеркало меня не обрадовало и заставило скорчить недовольную рожу. Сегодня я хотела пойти искать работу. Сидеть на бабушкиной шее не было моей целью. Я не маленькая, нужно учиться жить без какой-либо помощи. Рано

или поздно, но я останусь одна в этом мире. Если уже не осталась.

–Садись, блинчики будешь?

–Ты еще спрашиваешь! Я только ради них и встала! – рас- смеялась я.

–Что собираешься делать сегодня? – проглотив большой кусок блина, спросила бабушка.

–Хочу поискать какую-нибудь работу.

–Работу?! С ума сошла? Я еще не такая недееспособная, смогу нас прокормить.

–Я хочу работать. Не хочу сидеть дома. Мне нужно обще- ние. Да и вообще, я не смогу всю жизнь сидеть дома. Нужно продолжать жить!

–Как ты себя чувствуешь?

Мне до сих пор было сложно отвечать на подобные вопро- сы. Мне всегда будет сложно на них отвечать. И что бы я не ответила – это вранье.

–Уже лучше.

–А мне так не кажется.

–Ба, мне все лето задавали этот вопрос. Я не хочу об этом говорить. Просто не хочу.

–А как отец?

–Ему тяжело...

–Вы говорили об этом?

–Нет. Он практически не разговаривает со мной.

–Вот что за человек! Я бы ему накостыляла, если б он

только приехал сюда!

–Его тоже можно понять. Хотя я и не понимаю.

–Все будет хорошо, у него это пройдет, отойдет.

–Я сомневаюсь. Ладно, спасибо за завтрак, я пойду собираться. Раз я так рано встала, нужно потратить время с умом.

–Привыкай, я каждый день тебя так буду будить!

–Дай мне выспаться хотя бы по выходным!

–Ну... я подумаю, – улыбнувшись, сказала она.

Я поднялась к себе в комнату с надеждой, что мой телефон пропустил хотя бы один звонок. Но ничего. Отец так и не позвонил мне. Мое сердце разрывалось от обиды, боли. Могла ли я осуждать его? Его эгоцентризм? Его отстраненность? У всех свои мысли. Мы сами ими управляем.

Я вспомнила, как приезжала сюда в детстве. В комнате ничего не изменилось. Она была все такой же по-детски уютной, все мои игрушки так и стояли на полках, на потолке все также висели звездочки, на стене гирлянды из разноцветных лампочек. Здесь всегда было хорошо. Здесь я никогда не знала проблем. Но сейчас даже здесь мне хотелось плакать и выть от безысходности.

Чтобы не оставаться наедине со своими воспоминаниями, я быстро оделась, собрала волосы и спустилась вниз.

–Ты надолго? – спросила бабушка.

–Не знаю, как получится. Если что звони.

–Хорошо. Я, наконец, научилась писать сообщения.

–О, да это прогресс! Кто тебя научил?

–Твоя тетя Моника, кто же еще.

–Она прирожденный учитель.

–И не говори.

–Она часто приходит?

–В последнее время реже... у них проблемы.

–Что случилось?

–Давай позже об этом поговорим?

–Хорошо, как скажешь. Ну, я пошла. До вечера.

На улице было просто чудесно. Суббота, счастливые лица людей, бегающие дети, опадающие листья, приятный ветерок. Столько счастья вокруг и не с кем им поделиться. Единственный мой собеседник последние три месяца – блокнот. Их становится все больше, а дыра в душе так и не зарастает. Я знаю, что она не зарастет до моей смерти.

Я часто думаю о том, что чувствуют глухие, слепые люди. Думают ли они о том, сколько всего в мире скрыто от них? Как чувствуют осень? Каким им видится горизонт на море? Как они описывают музыку, как вообще они без нее живут? Я бы так не смогла, наверное.

Я прошлась по нескольким ресторанам и кафе, все, что я могла бы предложить – это услуги посудомойщицы, официантки или администратора. Вакансии были, но меня везде что-то не устраивало.

–А что вы умеете? – спросили меня в одном дорогом ресторане.

–А что нужно?

–Просто скажите.

–Ну, посуду мыть я умею.

–Еще? Где вы учились?

–Э-э, я закончила колледж в Сиэтле по классу вокала.

–То есть вы поете?

–Да.

–Нам как раз нужна певица.

–Певица?..

–Вы плохо слышите?

–Нет, извините.

–Так вот, нам нужна певица. Ресторан у нас не для простого населения. К нам приходят очень богатые люди. Их нужно развлекать. Вы подошли бы. Спойте что-нибудь.

–А, э, что вас интересует? То есть, какой жанр?

–Мне без разницы, просто нужно услышать ваш голос! – раздраженно фыркнул он.

Я несколько секунд подумала и спела пару строк из своей любимой песни. Менеджер меня прервал.

–Вы подходите. Сегодня вечером жду вас. У вас есть какое-нибудь платье? Нельзя петь вот в таком виде.

–Сегодня? Так быстро. Э-э, да, есть одно платье. Белое, сойдет?

–Короче, приходите раньше на час. Приходите в восемь часов. Несите свое платье, посмотрим на месте.

–А в какое время я буду работать?

–С девяти до двух часов.

–Дня?

–Какого дня, мисс! Ночи, естественно. Кто придет слушать вас в девять часов утра.

–Но...

–Вы не согласны? Хорошо, найдем другую.

–Нет, я согласна. В восемь прийти?

–Да, и без опозданий.

–Хорошо, я буду.

В растерянности я вышла на улицу. Я не думала работать певицей в ресторане. Я вообще не надеялась найти работу так быстро! Я не думаю, что бабушка одобрит мой график. Но я надеюсь, она меня поймет.

–Ба, я дома!

–Ну, наконец-то! Что так долго?

–Так получилось. Я нашла работу.

–Здорово. Где, какую?

–Э-э, ты только не волнуйся, ладно? В ресторане на 42 улице. Буду петь по вечерам.

–Так это же хорошо!

–Нет, ты не поняла. По вечерам, то есть, с восьми до двух часов ночи...

–Что?! Почему так поздно?

–Кто будет слушать меня в девять часов утра!

–И ты будешь там работать?

–Ну, я хочу попробовать. Я же всегда смогу уволиться!

–Ой, не знаю. Это как-то слишком.

–Все будет хорошо! не волнуйся за меня!

–Как же не волноваться.

–Это просто работа.

–Как хочешь, не стану тебя отговаривать.

–Спасибо за понимание. Так что там у тети Моники?

–У них проблемы с Майклом.

–Какие еще проблемы? Не тяни, рассказывай.

–В общем, он болен. У него лейкемия.

–Как...

–У него острый лимфобластный лейкоз. Узнали месяц назад.

–Он... он что, умрет? Он не может умереть, только не он!

–Джейн, успокойся. Я знала, что ты тяжело это перенесешь, поэтому не сказала утром.

–Он не умрет, запомни мои слова. Я что угодно сделаю, но он не умрет.

–Одному Богу известно, что будет дальше.

–Просто запомни мои слова. Я все исправлю.

–Что ты имеешь в виду?

–Не обращай внимания, я пойду в комнату, мне нужно собираться.

Я в ужасе залетела к себе в комнату и тут же полезла в интернет. Читала случаи излечения, процессы, происходящие в организме во время болезни, симптомы, последствия, статистика излечения больных. Оказалось, что значительных результатов в лечении лейкемии добились в Израиле и Герма-

нии, это стало зацепкой для меня. Хотя, наверное, тетя Моника уже изрыла весь интернет в поиске какого-нибудь выхода.

Из головы сразу повывлетали все остальные мысли. Я думала лишь об одном – он будет жить.

–Ба, а они все там же живут?

–Да, но они постоянно в больнице. Что ты задумала?

–Просто хочу их увидеть. Пока я ничего больше не могу, только приободрить как-нибудь.

–Да, сходи к ним. Я думаю, они оба будут очень рады тебя видеть, особенно Майкл.

Когда я видела его в последний раз, ему было десять лет. Мы были очень дружны. Я помню, как плакала, когда мы прощались. Мне было с ним всегда так легко. Его взгляды на жизнь были такими взрослыми! Я бы никогда не дала ему его лет. Всегда больше. Я никогда не встречала ребенка умнее, он очень любил читать, я часто читала ему на ночь. Помню, как мы играли на фортепиано в четыре руки. Нам всегда было весело вместе. Мы отправляли друг другу письма по почте, они могли растянуться и на три, и на четыре листа. И сейчас я не представляю, что он может покинуть меня. Кто угодно, только не он. Мне кажется, по духу у меня больше не будет человека ближе.

Часы показывали семь часов вечера, мне нужно было собираться на работу. На работу... как странно это звучит. Первая работа в моей жизни!

Я достала свое белое платье. В последний раз я надевала его на выпускной бал в колледже. Помню, как все девочки ждали этого дня. Готовились, выбирали платье. Звали меня с собой, а я лишь растерянно улыбалась им, все время отказываясь. В итоге, накануне этого дня я пошла в магазин и купила это платье. Оно сразу понравилось мне, своей простотой и элегантностью, может. А может просто потому, что мне должно было понравиться хоть что-то. Я не люблю вспоминать свой выпускной. Отец смотрел на меня из зала, когда вручали диплом. Помню его лицо. Он был таким серьезным, даже не похлопал вместе со всеми. Потом я убежала в туалет и проплакала там около получаса. Можно представить, что стало с моим макияжем. Выпускной был испорчен бесповоротно.

Платье было потрясающим. И сидело отлично. Я аккуратно сложила его и сунула в сумку. Туфли тоже были одни, все остальные каблуки я выкинула. Во мне произошла революция удобства, так бывает иногда. Странно, что я практически не волновалась перед выступлением. Оно ведь первое, дебют. Мне иногда казалось, что я попросту наплевала на людей, и на их мысли на мой счет. Все в жизни потеряло смысл. Я не знала, как его обрести вновь.

–Ты уже уходишь?

–Да, нужно прийти туда к восьми, менеджер так сказал.

–Я волнуюсь. Может, передумаешь?

–Не отговаривай меня, я хочу попробовать.

–Ну, хорошо. Удачи тебе.

–Да, спасибо.

Глава вторая

–Платье неплохое. Кстати, я Джексон, – протянув мне руку, сказал менеджер.

–А, конечно, Джейн.

–Так, Джейн. В основном, ты будешь исполнять джаз. Ну, или что-то похожее на это. Я думаю, ты понимаешь. Представь, что ты в кабаре. И главное – не зажимайся. Ты – Мэрилин Монро из «В джазе только девушки», понимаешь?

–Примерно...

–Не примерно, ты должна понимать это четко!

–Хорошо! я понимаю это четко!

–Так, не нервничай, просто пойми, мы не можем допускать проколов.

–Я стараюсь.

–Джулия! Помоги Джейн с макияжем. А у меня куча других дел.

Сказав это, он развернулся и ушел. Ко мне подошла белокурая девушка лет двадцати пяти. Видимо, это и есть Джулия.

–Привет, я Джулия!

–Джейн.

–Рада знакомству, Джейн. Вообще, рада, что ты здесь.

–Э-э, в каком плане? – растерянно спросила я.

–Будем дружить! А то здесь порой так скучно.

–А, дружить. Да, будем дружить... – задумчиво повторила я.

–Не волнуйся, тут не так страшно. Идем, будем готовить тебя к выступлению.

–Никогда не думала, что в ресторанах работают еще и стилисты.

–Я не стилист, просто сплю с Джексоном, он мне платит, – совершенно спокойно говорила она.

Меня поразила ее откровенность, и я поспешила спрятать глаза. Неловко слушать подробности интимной жизни твоего начальства.

–А, прости. Я чересчур много болтаю. Только смотри, это сугубо между нами! – повернувшись ко мне, протараторила Джулия.

–Да, без проблем, – пытаюсь улыбнуться, ответила я.

–У тебя какой-то секрет.

–О чем ты? – удивленно спросила я.

–Ты не будешь со мной откровенна, я чувствую.

–Я не привыкла откровенничать в первые минуты знакомства.

–А мне все равно! Я всегда говорю все, что хочу, и плевать, сколько мы знакомы, – улыбнулась она, – я просто отличаюсь от обычных людей.

Ее самоуверенность убила меня наповал. Она медленно начинала меня раздражать.

–Так, посмотрим, что же с тобой сделать, – разглядывая

мое лицо в зеркало, говорила она.

–Я могу накраситься сама.

–Нет-нет-нет, лучше меня никто не красится, я окончила курсы, говорят, у меня талант! Я разгадываю чужие лица.

–Звучит очень самонадеянно, – недовольно буркнула я.

–Но, все-таки, звучит! Не волнуйся, тебе понравится, – улыбнувшись, сказала Джулия.

Не буду отрицать, она сотворила с моим лицом нечто невероятное. Я не сразу узнала себя в отражении. Было странное ощущение. С одной стороны, эта выскочка меня выводила, а с другой – поражала своей открытостью и беспечностью. Ее совсем не волновало, что о ней подумают окружающие. Я бы хотела поучиться у нее этому.

Первый рабочий день, а точнее, ночь, прошла спокойно. Я волновалась, но пение – это моя стихия. Тем более, у меня уже были подобные опыты там, в Сиэтле. Меня расстроило лишь одно – эти мешки с деньгами не отрывались от своих тарелок. Придется попотеть, чтобы расшевелить их. Но я и не ожидала катания сыра в масле. Не все сразу. Я еще покажу им класс.

Когда я вернулась домой, бабушка уже уснула на диване.

–Ба, проснись, – шептала я.

–Что? а, Джейн, ты вернулась? Я хотела тебя дождаться, но уснула.

–Да-да, все хорошо. Ложись спать, я тебе постелила.

–Ой, спасибо. Ты не голодна?

–Нет, думаю, дождусь завтрака, – улыбнулась я.

–Ну, как хочешь. Ложись тоже. Спокойной ночи.

–Доброй ночи.

Я вошла к себе в комнату и впервые за последние месяцы была счастлива – у меня снова появился дом, где меня ждут.

Глава третья

Так прошла моя первая неделя в Нью-Йорке. На работе мне нравилось, дома еще больше. Я навестила Майкла в клинике. Это единственное, что расстроило меня за это время. Выглядел он очень плохо, у него уже почти не осталось волос на голове. Он был бледен и эта марлевая повязка... жуть. Каждый вечер я вычеркивала дни из календаря, считала, сколько же мне еще до первой зарплаты. Я решила копить Майклу на лечение. Возможно, пока я буду немного получать, но чем смогу я помогу.

Джулия все так же много разговаривала и пыталась узнать меня лучше. Признаюсь, я в последнее время стала более скрытной. Люди перестали вызывать во мне чувство доверия, даже самые близкие.

–Привет, Дженни! – широко улыбаясь, кричала Джулия.

–Привет. Как ты?

–Замечательно! Как всегда. Слушай, Джексон хочет с тобой поговорить...

–Что-то случилось?

–Пойдем в его кабинет.

–Что ж, идем.

Заинтригованная, я шла за ней, смотря под ноги.

–Привет, Джейн!

–Добрый вечер.

–У меня к тебе просьба..., – неуверенно начал он.

–Какая?

–Понимаешь, одному нашему клиенту ты очень понравилась и...

–И?

–Он очень солидный клиент. Ты знаешь, желание клиента – закон.

–В чем вопрос?

–Он просил... тебя... чтобы ты...

–Короче! – вмешалась Джулия, – он просил об услуге интимного характера.

–Что?! – закричала я.

–Успокойся, это всего одна ночь!

–Заткнись, Джулия! И что вы ему сказали?

–Я не мог отказать, – мямлил Джексон.

–Я никогда не буду спать с женщиной за деньги! Вы с ума сошли!

–Джейн, послушай, ну ведь это не так и страшно. Он вполне привлекательный молодой человек.

–Мне абсолютно все равно кто он такой и, уж тем более, как он выглядит!

–Ну помоги нам! Ты просто не представляешь, какая нас ждет выгода!

–Нельзя же всю жизнь торговать людьми ради выгоды! – не унималась я.

–Дженни, это одна ночь. Он и не вспомнит тебя больше. Это нормально! XXI век на дворе!

–Я не могу...

–Просто согласишься. Он сам все сделает!

–Что за бред...

–Это жизнь.

Сначала эта идея просто привела меня в бешенство, но, поразмыслив, я смогла хоть немного представить свою выгоду. Он обещал заплатить огромные деньги. Деньги мне сейчас были просто необходимы! Я не могу все время думать о своих моральных принципах. Майкл. Вот что было в моей голове.

–Хорошо, – сдалась я.

–Что?

–Хорошо!

Джексон ликовал. Джулия понимающе улыбалась. Я не могла поверить своим же словам.

–Пойдем, я покажу тебе его, – прошептала Джулия.

Я молча согласилась.

В жизни столько всего интересного, столько новых возможностей познать себя, понять свою жизнь, найти свое счастье. Но я закрылась от мира адекватных. Мне легче жить в своем коконе, развиваться, расти. Мне легче общаться с бумагой и ручкой, чем с людьми. Мне всегда будет легче пи-

сать, нежели говорить. Я всегда буду выбирать ее потому, что она так навсегда и останется для меня святой. Единственным человеком, который понимал меня, не просто так, чтобы получить что-то взамен! Понимал потому, что хотел этого. Я всегда буду ждать ее. Она вернется ко мне, пусть не в этой жизни, но она вернется. И тогда я расскажу ей, как бездарно я прожила свою жизнь. «Прости, мама. Я просто человек, во мне нет ничего святого».

Мне сразу бросился в глаза один мужчина. Он сидел за дальним столиком, у окна. Позже Джулия сказала мне, что именно он и есть тот важный клиент. Он был красив, строг, но я ненавидела его, потому что он не ставил меня в ряд людей с душой и сердцем, ничем не отличающихся от его. Я – просто бесчувственная машина, которой нужны его деньги.

–Я никуда с ним не поеду, – резко сказала я.

–Как?! Ты не можешь отказаться! Он наш самый лучший клиент, – шипела Джулия.

–Прости, я не проституткой сюда устраивалась.

–Тогда скажи это ему сама, Джексон нас убьет!

Я уверенными шагами направилась в его сторону. Когда я подошла, он даже не поднял головы.

–Сэр.

Он посмотрел на меня.

–Добрый вечер, Джейн! Ну что, едем?

–Простите, но вы не по адресу.

–Ох, давайте без этих прелюдий. Деньги у меня есть.

От его грубости и уверенности в моем положительном ответе я ненадолго потеряла дар речи и вся покраснела от гнева!

–Впервые встречаю человека, лишенного каких-либо человеческих чувств, но битком набитого его пороками! Да будь вы хоть обладателем самого большого состояния на земле, я никогда не согласилась бы так унизиться перед тем, кто не достоин даже самой дешевой шлюхи. Доброй ночи, сэр.

Чувствовать себя проституткой – не самое приятное ощущение в моей жизни.

–Джейн! Джейн! – орал за спиной Джексон.

Не останавливаясь, я шла к выходу. Не плакать в такие минуты невозможно, мне просто нужна была подушка, спокойная музыка, чай с мятой и бабушкины булочки. Никогда не думала, что меня могут принять за нечто столь низкое и дешевое. Столь грязное и беспринципное. Ах, нет, один принцип, все же, есть: я не целуюсь.

–Джейн, я уволю тебя к чертовой матери! Как ты могла отказаться, мы же договорились!

Я резко остановилась и повернулась к нему. Мои заплаканные глаза его остудили.

–Джексон, представь, рано или поздно у тебя будут дети. Дочь. Ты назовешь ее Кетрин. Ей, наконец, стукнет двадцать один. Она пойдет на работу в этот ресторан, но ты уже не будешь здесь работать. Она захочет петь. Ты не сможешь отказать. За дальний столик, вон там, у окна, сядет «важный

клиент». А она, всем на зло, будет невероятно красивой. Он захочет увидеть ее в своей постели, неважно, сколько это будет стоить. Это же «важный клиент», какие могут быть вопросы. Она придет домой под утро, с синяками под глазами, уставшая и пропахшая сигаретами. От нее будет нести его одеколоном, она будет разбита. Я знаю, что именно в этот день в ней умрет ее достоинство. Что бы сказал ты ей?! Что?? «Молодец, моя красавица! Мы купим шоколадных конфет, на деньги, что ты принесла и все будет хорошо»?! Так?

Он смотрел на меня пустым взглядом, молчал и, казалось, практически перестал дышать. В этот момент к нам подошел тот ублюдок.

–Джексон, все нормально, пусть девочка останется работать. Я думаю, она права.

–Да пошел ты, – сказала я, забрала у Джулии свою сумку и ушла прочь.

Ветер на улице казался холоднее обычного, небо более угрюмым, люди более мерзкими, дорога более длинной. Я не думала, что можно вот так, в один миг растоптать все достоинство, всю гордость, все, что было во мне. Я не думала, что когда-нибудь я буду чувствовать себя так. Хотелось умереть, это было бы лучшим выходом. Я чувствовала себя ничтожеством, мне казалось, все оборачивались и тыкали на меня пальцем. Казалось, что все обходят меня стороной, бегут, как от чумы. Я просто растоптана.

–Дженни, что случилось? Да что с тобой? – обеспокоенно

тараторила бабушка, как только я вошла.

–Я больше не работаю там.

–Почему?

–Я похожа на проститутку?

–Да что ты такое говоришь!

–А они решили, что похожа.

–Что?! да как посмели они обидеть мою красавицу! Ну-ка, пойдем, выпьешь чаю и успокоишься. Пойдем, все будет хорошо, мы вообще на них в суд подадим!

–Представляешь, они думали, что я проститутка!

–Успокойся, милая, сейчас достану дедушкино ружье, и мы всех там расстреляем.

На моем лице тут же засияла улыбка, я начала дико смеяться.

–Ну и скажешь же ты! – заливаясь смехом, говорила я.

–Вот, смеешься, хорошо. А то что это! Моя красавица плачет! Я им покажу!

В принципе, я нашла единственный плюс во всех этих бедах: я начала писать стихи. И пишу я их только тогда, когда мне бесконечно плохо. Эти эмоции порождают в голове какие-то ростки растений из красной книги. Что-то интересное и неповторимое. За это, наверное, можно сказать жизни спасибо.

Я знаю, в какой день моя жизнь окончательно перестала быть ценной для меня. С того дня прошло ровно пять месяцев. 13 мая. Кажется, я никогда не забуду этот день. Да я и

не могу. Такие даты не забывают.

–Кстати, отец звонил, – задумчиво сказала бабушка.

–Как он?

–Говорит, хорошо.

–И все?

–Спросил, как ты. Я сказала, что тоже неплохо.

–Понятно.

–Ты не обижайся на него.

–А у меня нет выбора.

–Ему тяжело, ты ведь знаешь.

–Мне интересно, а он действительно считает, что ему тяжелее всех?! А как же я?? Обо мне он не хочет думать?! Всем тяжело. Но только я одна из вас всех потеряла единственных, самых дорогих мне людей.

–Дженни...

–Ничего не говори. Хватит. И даже если он позвонит мне когда-нибудь – я не отвечу.

–Не горячись, послушай, он же не со зла.

–Хватит, не хочу слушать.

В этот момент раздался звонок в дверь. Меня всю колотило от злости и чувства ненужности. Я слишком долго терпела папин эгоизм, но и у меня села батарейка.

–Я открою, – сказала я, вставая из-за стола.

Я быстро подошла к двери.

–Вы?! – округлив глаза от удивления, спросила я.

–Неожиданно, правда?

– Не то слово. Что вы здесь делаете?

– Вы не позволите войти?

– Чего вы хотите? – низким голосом проговорила я.

– Я хочу извиниться.

– Хорошо.

– Вы меня прощаете?

– Знаете, вы хотели снять меня буквально полчаса назад, меня из-за вас уволили, теперь я снова безработная, да еще и сравнимая с проституткой девушка. Конечно, я вас прощаю!

– Я понимаю, что неправильно поступил...

Бабушка прервала его.

– Кто там, Дженни?

– Это ко мне! – крикнула я и вышла на крыльцо.

– Так вот, я поступил неправильно. Просто вы не все знаете.

– Я и не хочу знать. Я вас простила, все замечательно. И прошу вас, больше не стучите в эту дверь.

– Вас не уволят, Джейн.

– Ну, спасибо! – саркастично закатив глаза, сказала я.

– Мне жаль, что так вышло.

Его лицо выражало довольно честные эмоции, в нем можно было заметить нотки сожаления. Он был довольно красив, лицо его было мужественным, глаза синими, как океан. Но его поведение в ресторане перекрывало все его внешние достоинства.

– Простите, как вас зовут?

–Ах, да! Дэвид Плэйн.

–Не скажу, что мне очень приятно это знакомство, но Джейн Франц.

–А я рад знакомству.

–Еще бы. Так что, вам только мое прощение нужно? Только обещайте, если я вас прощу, вы в моей жизни больше не появитесь.

–Обещаю.

–Тогда, извинения приняты, с кем не бывает, – пытаюсь улыбнуться, проговорила я.

–Мне, действительно, очень жаль, Джейн. Я понимаю, как унизил вас своим предложением.

–Мужчины обычно не чувствуют степени униженности ими совершенно неповинной ни в чем девушки. Прощайте, сэр. Удачи вам.

Сказав это, я быстро вошла в дом, не дав ему и рта раскрыть. В этой ситуации меня радовало одно: я буду продолжать работать. Я так люблю петь.

Помню, как мама впервые отвела меня в музыкальную школу. Помню, как упиралась руками и ногами, лишь бы не идти туда. Мне казалось, что это своеобразная тюрьма, решетки на окнах, злые преподаватели, неинтересные предметы. Но когда мы пришли туда первое, что я услышала – репетицию тамошнего хора. Знаете, это такое невероятное чувство покоя, умиротворенности, такая гармония. Ведь люди по-разному выпускают свои эмоции. Я научилась выпускать

их силой своего голоса. Я проводила там дни напролет. И мне так нравилось фортепиано. Сейчас только это заставляет меня жить. Вдыхает в меня смысл существования.

–Кто это был? – прервав мои размышления, спросила бабушка.

–С работы. Меня не увольняют.

–А что такая грустная?

–Просто задумалась. Завтра схожу к Майклу, наверное.

–Да, сходи, он спрашивал.

–Я с этой работой совсем ничего не успеваю.

–Я бы поторопилась на твоём месте..., – опустив голову, проговорила бабушка.

–Не думай так. Он поправится.

–Я не...

–Не думай так! – перебила я.

–Ты молодец. Я не могу похвастаться таким оптимизмом.

Я немного постояла на месте, обдумывая ее слова, затем резко повернулась и села за фортепиано.

–Споешь? – улыбнулась бабушка.

–Самое время, я думаю.

Глава четвертая

Я много раз думала о разнице между фильмом и книгой. Это может показаться странной причиной для раздумий, но все же, есть что сравнить.

Итак, представим себе человека в депрессии. Допустим, это девушка. Какая картина предстает перед глазами? Она

лежит весь день в постели, с опухшими от слез глазами, уже чем-то напоминает китайца, к тому же покусанного пчелами. В голове мысль, ну или же две: углеводы, судя по разговорам депрессирующих девочек, очень способствуют быстрому выходу из тоннеля, чему я мало верю. Фильмы. Фильмы-это вообще отдельная история. Это ужасно. Смотреть фильмы в депрессии, особенно те, что хорошо кончаются, как ни странно. Девушка будет плакать именно оттого, что у кого-то все сложилось, а она лежит сейчас в своей постели, заплаканная, толстеющая на глазах от огромной дозы мучного и сладкого, жизнь ее сломана, сердце разбито. Все-таки, мы действительно слабый пол, что бы там не говорили феминистки. В некоторых моментах я с ними, конечно же, согласна. Но не в этом. И не сегодня. Сегодня я покусанный китаец.

–Дженни, ну ты чего! Сколько можно плакать!

–Бабушка, такие дни бывают у всех. Это нервный срыв или что-то в этом роде. И поплакать нужно, правда голова моя скоро развалится.

–Таблетку?

–Нет, не беспокойся, ладно? Я поплачу, и все пройдет, – пытаюсь улыбаться, отвечала я.

–Ты работаешь сегодня?

–К счастью, нет. Хотя, может, и к сожалению, кто знает.

–О господи боже, подростки, одно слово!

–Ба, я полежу тут одна, хорошо?

–Ладно, ладно. Я пойду в магазин, тебе нужно чего-ни-

будь?

–Покой.

Бабушка еще раз посмотрела на меня сочувствующими глазами и закрыла дверь.

Так, на чем я остановилась? Я подумала, наверное, сегодня именно тот день, когда я свихнулась. Интересно, почему это произошло сегодня и в чем, собственно, причина? А причин целая свалка! Во-первых, я одна. Мне не с кем поговорить. Время идет, ничего не меняется, друзей нет, никого нет. Это жутко, честное слово! Можно подумать, что мне весело думать об этом. О-о-о, это заблуждение. Вы просто меня не видите. Так вот, это было первым. Во-вторых, я сходила к Майклу и то, что я увидела, совсем выбило меня и колеи. Тетя совсем отчаялась. Майклу стало только хуже, и химиотерапия не помогает. Я думала, что рак – это не приговор, во мне было столько решимости! Я, правда, была уверена в положительном исходе, но сейчас, когда я прочувствовала все это на себе, когда я увидела все собственными глазами, сил бороться не остается. Может, силы мне и не нужны. Хотя бы надежда! Но и ее не осталось. У меня чувство, будто в жизни вообще не может быть ничего хорошего. Только в кино, как всегда. У них все получается, все остаются живы, все друг друга любят. А в жизни. В жизни все с точностью до наоборот. Лично я не знаю ни одного человека, абсолютно счастливого. Я таких никогда и не притягивала, но все-таки. Примера для подражания у меня нет.

И вот лежу я сегодня в этой постели, смотрю в потолок, слезы во мне закончились, и это не может не радовать. Я пересмотрела все свои фильмы, легче мне не стало. И что же могло прийти в мою ненормальную голову? Конечно же, алкоголь. Бренди, мартини, водка, в конце концов. Мы простых путей не ищем. Поиграем немного в киносъемки. Я приду в ресторанчик, напьюсь, ко мне обязательно должен будет присоединиться какой-нибудь молодой человек. Помесь Алена Делона, Антонио Бандераса ну и еще кого-нибудь, только не негодяй. Ну, уж точно нет, в кино такое снимать не будут. Мы с ним разговоримся, у меня не останется сил дойти до дома, он меня отвезет, в машине меня окончательно развезет, я усну, он донесет меня до постели и вот тебе счастье! Что ж так все сложно-то?!

В итоге, я решила поступить именно так.

С постели подняться оказалось сложнее всего. Мне казалось, одеяло так сильно укутало все мое сознание, что у меня просто нет иного выхода, как взять его с собой в ресторан. Но потом я подумала... если я буду в одеяле, разве подойдет ко мне кто-нибудь более или менее адекватный? Да и вообще, с какой стати я думаю, что могу привлечь адекватного человека! Вот это мое самое великое заблуждение.

Но потом, после нескольких попыток встать, дело пошло куда быстрее.

Опишу все в деталях. Ну, или, по крайней мере, как смогу.

Гора косметики. Не поверите, она у меня есть! Странно, что в такие вот дни чувство юмора остается со мной. Что мне понадобится? Пересчитаем по пальцам. Надеюсь, мне их хватит. Для начала – умоемся. Вода освежает, и китаец во мне начал умирать. Знаете, я завидую рыбам! Они всю свою жизнь проводят в воде, это же просто немыслимо! Выходит, у них вообще не бывает депрессий! Рыбы – самые счастливые существа, уж вы мне поверьте! Что потом? Крем. Крем, крем, крем! Господи, как же давно я не красилась! Будто впервые села на велосипед, зачем мне столько тюбиков?!

Мама очень любила все эти штучки. Особенно Victoria's Secret. Мы оставляли там столько денег, что и подумать стыдно! Получали посылки по почте, разбирали эти коробки с визгами полуэкстаза, полушока. Это было так весело, будто еще раз переживаешь Рождество или Новый год. Как подарок, гора подарков, только платить за них приходится самой. А потом начиналась так называемая «дегустация». Странно сейчас вспоминать все это. Будто этого со мной никогда и не было, и я просто пересказываю сюжет какой-то книжки. Подобное чувство у меня было, когда спустя пару лет я пришла в свою школу. Не помню, что мне там было нужно, но чувство это надолго мне запомнилось. Она была битком набита детишками, они бегали, как сумасшедшие, а я ходила по коридорам и пыталась вспомнить саму себя. И меня так напугала эта мысль. Я ходила и понимала, что время ушло, убежало, и вот иду я сейчас по коридору, в голове картин-

ки, а на самом деле меня как будто здесь никогда и не было. Как будто никогда и никого из моих знакомых не было здесь! И дети... дети совсем другие. У них свои игры, свои слова. Они все с телефонами, деловые, хотят выглядеть взрослее, думают, что это им удастся. А я иду и думаю, что жизнь моя кончилась. Беззаботное детство – это абсолютное счастье!

Время перед зеркалом никогда не проходит зря! Оно преобразует на глазах, если руки правильно действуют.

–Ты так похожа на свою маму..., – войдя в комнату, сказала бабушка.

Я молча разглядывала свое отражение в зеркале. Так странно. Я люблю пересматривать свои детские фотографии, при этом всегда плачу. Ненавижу осознавать свое взросление, те метаморфозы, что происходят во мне. Это вовсе невесело – чувствовать себя взрослой, решать проблемы посложнее задачек по физике. Сложнее всего в этом – способность привязываться к людям, а потом терять их, с частью тебя самой.

–Я решила прогуляться.

–Я вижу. Это хорошо, ты совсем расклеилась.

–А как ты встретила дедушку? – внезапно спросила я.

–О, какой неожиданный вопрос. Раньше это никого не интересовало.

Она ненадолго задумалась и начала свой рассказ.

–Знаешь, твой дедушка был необыкновенным человеком. Правда, когда эта мысль приходит в мою голову, я начи-

наю подозревать, что думаю так, потому что безумно любила его. Ты уже взрослая, наверное, поймешь меня. Это даже не ложь! Ты ведь действительно думаешь, что он был необычным, самым лучшим, ведь так?

Она смотрит на меня блестящими глазами. Сказать, что я понимаю ее, значит не сказать ничего. Наверное, именно из-за этого чувства идеализации любимого человека я и пострадала в свое время. Чувство вины всегда остается, если ты что-то потерял. Не могло же все просто так пройти, само собой? Кто-то из двоих точно виноват. И для себя ты всегда будешь знать, что это ты. Может, это и не так. Но эта мысль, затекая в твою голову, уже не выходит обратно.

—Он писал мне стихи. Знаешь, я никогда не читала стихов прекраснее. А ведь поначалу я не допускала мысли даже о простом, дружеском общении! Я считала его полным идиотом, не поверишь. Да-да! И в наше время все было так же. Ничего не меняется с годами, понимаешь? Меняться могут только слова, манеры, развлечения, способы ухаживаний, но не сама суть. Мы так же летали, как бабочки, громко смеялись, старики ворчали на нас. Мне иногда кажется, что со мной этого никогда и не было. Я хожу по знакомым улицам, до боли родным, с улыбкой на лице вспоминаю нашу молодость, а потом вдруг вижу ребятишек, которые бегут из школы, смотрю на них, на душе так тепло, но чувство конца не покидает меня. Мне кажется, я так и родилась в возрасте шестидесяти лет.

Смеется. Странно, но я понимаю ее. Мне иногда кажется, что мне лет сорок, не меньше. Кажется, что ребенком я никогда не была, кажется, что детства не было. Как будто я сразу родилась в своей гребаной жизни. Как будто всегда у меня были только проблемы и никакого просвета. Хотя, в тот же момент, я понимаю, что хорошее застревает в памяти лишь ощущением, не картинками, не сюжетами, а именно ощущением. Зато плохое сидит внутри, как червяк, и точит мозг.

–Знаешь, я тоже начала писать стихи. Не так давно, месяца два-три, не больше. Мне кажется, они для меня стали каким-то спасением от окружающего мира. Как будто мой личный психолог. Я выкладываю в них все, абсолютно.

–Знаешь, ты мне так его напоминаешь. Вы так с ним похожи. Он был таким же спокойным, романтичным. Он никогда не показывал своей боли и переживаний. Всегда держал это в себе. И я знаю, что и ты держишь. Не вини себя в том, что произошло. Это жизнь, так случилось, потому что так должно было случиться. Да ты и сама это понимаешь, я уверена.

–Нет, ба, я знаю, что виновата. В меня это всовывали очень медленно, знаешь, как иголку. Сначала кончик – терпит, потом глубже и глубже. А потом до конца. И вот я здесь. Пытаюсь убежать от своей же жизни. Но как бы я не старалась, в итоге это все равно остается моим и всегда моим будет. Я знаю, что ты переживаешь. И за папу, и за меня. Не надо. Знаешь, я глупая, наверное. Но я без них никто. Только не говори ничего, ладно? Я не хочу сожалений. Я пой-

ду, прогуляюсь, хорошо? Постараюсь вернуться до полуночи. Ночью думать становится больше.

Я спустилась в прихожую, совершенно разбитая. Я не помню, когда в последний раз я была чем-то цельным и живым. Это так странно, жить и понимать, что жить не хочется. Я, честно, не хочу проснуться завтра утром, не хочу новых друзей, новую работу, семью, детей. Все, что у меня было, я потеряла. Все, что я любила. Все, что мне было дорого.

Мне кажется, что я столько всего упустила в жизни, столько всего не сделала, не сказала, не оценила. Как будто я не жила раньше, а потом, когда осталась наедине со своими проблемами поняла, как была счастлива. Только потом!

Единственное, что я понимала – мне нужно было что-то новое. Год подходит к своему концу, а я совсем к этому не готова! Что я сделала за этот год? Он должен был стать самым лучшим годом за все мое существование, но, в итоге, я всего лишь развалила свою жизнь и жизнь своих близких, написала пару десятков стихов, спела сотню песен, проиграла все свои композиции, научилась не плакать. Хотя не уверена, что отработала этот навык на все 100%. Знаете что, раз уж моя жизнь полетела в трубу – хуже я уже не сделаю! Я могу лишь попытаться изменить что-нибудь. Мне нужны свежие эмоции, новые люди, новые чувства. Я не хочу снова налететь на распродажу. Хочу качественных персонажей, чтоб не развалились через месяц на моих же глазах и не потащили меня за собой. Странно, но бывают дни, когда я го-

това к чему-то новому. Я готова учиться, искать, находить, переделывать, я готова ко всему, лишь бы не сидеть в своей куче говна! А завтра... а завтра боюсь проснуться с большими мыслями, которые не покидали меня на протяжении нескольких месяцев, боюсь забыть то, что родилось в моей голове перед сном, боюсь слабости и беспомощности, боюсь своего безразличия к жизни. Безразличие – это самое страшное. Ведь что-то должно удерживать на земле? Не только сила притяжения, не что-то из области физики, а именно что-то твое, что-то, от чего не хотелось бы бежать, от чего смерть казалась бы чем-то катастрофически пугающим. А сейчас смерть – это что-то похожее на долгожданный сон после долгой пьянки. Ты уснул и больше ничего не надо. Страшно не бояться смерти. Счастливые люди должны дрожать при мысли, что они умрут, рано или поздно. А вообще, я мечтаю умереть во сне, хотя... к чему это я, я умирать не собираюсь, так, что-то закатилось в голову. Раз я решила пойти и напиться сегодня – плевать, пойду и напьюсь. В конце концов, меня снесет с парочки рюмок, и я вернусь домой, вымотанная и засыпающая на ходу. Но пьянки... это очень странно, странно, что соображать начинаешь как-то более глобально! Такие интересные мысли в голове! Я буду записывать их, точно, чтобы не забыть. Да, вы правы, склероз посетил меня раньше времени. Ну что ж, голова дырявая, наверное, когда-то сквозь нее пролетела пуля.

В такие моменты люблю уходить от людей, которые не хо-

тят видеть меня разбитой. Или задумчивой. Или грустной. Люди часто не хотят принимать нас такими, какие мы есть на самом деле: плаксивыми, пессимистичными, туго соображающими и так далее. Всем приятнее видеть человека счастливым, смешным, улыбающимся. А все почему? Потому, что в итоге мы все плаксивые и пессимистичные, ищем в других домик, маленькую крышину, утешение и покой. И когда находим, оторваться очень сложно. Оторвавшись, снова пускаемся в бесконечный поиск. И так всю жизнь.

Половину своих летних каникул я провела у психоаналитика. Эта глупая женщина действительно полагала, что ее тупая, бесчувственная улыбка сможет залечить мои внутренние раны. У нее диплом, она – умная, понимающая (с виду) женщина, у нее по двадцать клиентов сидят в очереди, за это время знакомятся с такими же мнительными придурками, рассказывают о своих проблемах, плачутся друг другу в жилетки. Меня это так угнетало. Наверное, даже больше, чем то, что я заранее знала – я безнадежна.

На улице лил дождь, зонт я не взяла. Знаете, странное дело: мне легче промокнуть до нитки, чем держать зонт в руке. Никогда их не любила.

Через пять минут мои ботинки начали хлюпать. Меня радовало кое-что: я случайно покрасила водостойкую тушь. Никогда не красила, а тут вдруг покрасила. Это такая маленькая радость. Странно, что обычно большие радости не приносят такого удовлетворения, как всякие приятные ме-

лочи.

В итоге, капюшон на моей голове промок, шарф тоже. По лицу текла вода, будто я стояла под душем. В итоге – я заскочила в ближайший бар. Мда, не трудно догадаться, кого я там встретила.

–Эй, Дженни!

–О, Джулия. Ты здесь.

–Да, ты пришла как раз вовремя! Мы празднуем день рождения!

–Эм, чей?.. – нахмурившись, спросила я.

–Моего друга. Пойдем к нам!

–Да, сейчас, я только схожу в туалет, волосы совсем мокрые.

–Давай быстрее, я тебя со всеми познакомлю.

Мои волосы промокли до такой степени, что мне пришлось их выжимать. С лицом, как ни странно, все было в порядке, я только протерла его салфеткой.

С одной стороны, меня даже радовала эта встреча. Это самое то, провести случайный вечер в компании совершенно незнакомых людей. Никто не знает, кто я, какие у меня проблемы, почему синяки под глазами, почему хочу напиток, почему именно сегодня.

За столиком их было человек десять, в основном, молодые парни, мои ровесники. Джулия представила меня всем, я скромненько села рядом с ней. Знаете, такой смешной момент, когда в компании появляется новая девушка, и все пар-

ни пытаются как-нибудь себя преподнести, в лучшем свете, типа мы такие крутые, смотри, детка, я круче, чем он! Поговори со мной! Нет, со мной! Хочешь выпить? Закурить? Ты американка или европейка? О, у тебя красивые руки, ты музыкант? Что за парфюм? Ты вкусно пахнешь! Тебе нужно чаще улыбаться, у тебя невероятная улыбка! А волосы, такие мягкие! Может, дашь свой номерочек? Прогуляемся, поужинаем где-нибудь, если ты не против.

Я быстро опьянела, наверное, в силу того, что не пила какое-то время. Да и вообще, я всегда пьянею очень быстро. Люди, в основном, парни, пытаются этим воспользоваться, но какая бы я не была, мои мозги всегда соображают четко. Ах, скольких я обломала!

–А ты давно в Нью-Йорке? – просил Мэт.

Мэт, то есть Мэтью, самый приличный из этой кампании. Мы сидели рядом и, так получилось, проболтали весь вечер. Он показался мне довольно интересным, но не более. Не люблю понимать, что я всегда понравлюсь любому, а мне... а мне никого не нужно. Я не люблю говорить «Нет», но постоянно приходится. Я всегда пытаюсь отшить деликатно, но, почему-то, меня после этого начинают зверски ненавидеть. Наверное, ущемленное самолюбие не дает покоя. А жаль! Мы могли бы быть друзьями.

–Нет, всего пару недель.

–А откуда ты?

–Сиэтл.

–Может быть, я задаю много вопросов, но все-таки, почему ты здесь?

За это время, что я здесь, никто не задавал мне подобных вопросов, и я невольно боялась их. Моя больная тема.

–М-м-м, решила пожить немного с бабушкой. Она скучает одна.

–Понятно, не хочешь рассказывать.

Я молча сделала еще один глоток мартини.

Время прошло быстро, я напилась просто жутко. Было около полуночи, нужно было возвращаться домой. Как жаль, господи, как жаль, что по пьяни тянет на какие-то необдуманные поступки и на поиски какого-нибудь удовлетворения.

–Я провожу тебя! – тут же выпалил Мэт.

Я не стала отказываться. Ночь, незнакомый город, Бруклин. Лучше перестраховаться.

Мы попрощались со всеми и вышли на улицу.

–Тебе действительно так уж нужно домой?

–Да, я сказала, что вернусь до полуночи.

–Ты же напилась! Хочешь расстроить бабушку? – улыбался он.

Я понимала, к чему он клонит. И понимала так же, что завтра утром обо всем буду жалеть. И буду жалеть так сильно, что просто убью себя. Но я пошла с ним. Я ведь знала, на что иду? Конечно же, я знала.

Оказалось, он жил совсем недалеко от меня. Снимал

небольшую комнатку. Было темно, и я особо не разглядела обстановку. Помню только, что пахло апельсинами.

Это было странно. Помню, я посмотрела на него после, и мне тут же скрутило живот, я побежала в туалет и меня вырвало. Я не могла смотреть на него. Меня тошнило от всего этого. Меня тошнило от себя самой. Я быстро протрезвела, к моему счастью, он спал.

Когда я вернулась домой, было около трех часов ночи.

И такая пустота внутри. Чувство ненужности. Я вот думаю, есть ли кто-нибудь, кто сейчас сидит и думает обо мне? Думает о том, что я, скорее всего, счастлива. Не думаю ни о ком, кроме себя. Что я сильная и независимая. Интересно, есть такие?

Я часто думаю о том, что я не была готова сражаться за себя и за жизнь. Я не была готова остаться одна, слушать, чувствовать осуждение людей.

Я иногда чувствую себя обозленным на женщин мужчиной. Такое чувство, что я мщу кому-то за свою боль, будто в этих случайных связях есть какой-то смысл. В итоге получается, что я мщу сама себе, и боль во мне растет, распускает свои ветви, вонзается, врастает в кожу, и я остаюсь ни с чем, тем самым только усиливая свои страдания. Продолжаю жить в муках, прекрасно понимая, что самобичеванием ничего не добьешься и счастливей не станешь. Я засыпаю с мыслями о новой жизни, думаю, что проснусь завтра раньше, чем обычно, поменяю свою жизнь, изменюсь, начну

делать что-то новое. Куплю кучу новых книг, заново изучу курс истории за все годы школы, попытаюсь узнать что-то новое, написать что-нибудь, может, статейку, может, рассказик или сказку для детей. Мне кажется, что завтра счастье и покой найдут меня, я посмотрю на небо, Бог повернется ко мне, и я скажу ему спасибо. Мне кажется, солнце будет ярче, запах пионов слаще, долька апельсина сочнее. И я знаю, в чем причина. Просто на завтрашний день у меня еще есть запас надежды, а на сегодня он иссяк.

Глава пятая

–Ты сегодня пела как-то по-особенному...

–Правда?

–Да, как будто умиротворенно. Так спокойно. И песни все были такими романтичными.

–Видимо, настроение такое. Слушай, Джулия, у тебя нет знакомых врачей-онкологов? Желательно, хороших.

–Зачем тебе?

–Просто ответь.

–Нет, ни одного. Знаешь, врачи – народ несговорчивый. Я ни разу не спала с врачом!

–Как же так! – засмеялась я.

–А все же, зачем онколог? С тобой все в порядке?

–Да, да! Со мной все хорошо, слава Богу. Просто... просто мой племянник... он болен, и ему нужна помощь. Нужна операция. В общем, не забивай голову.

–Оу, а что у него?

–Лейкемия.

–Какой кошмар!

–Все будет хорошо.

–Кстати, тот мужчина, помнишь? Ну, из-за которого тебя чуть не уволили?

–Дэвид?! – ошарашено выпалила я.

–Ты знаешь его имя?.. ну, в общем, неважно. Короче, он весь вечер смотрел только на тебя! Мне казалось, он даже слова песни наизусть знал!

–О, не преувеличивай. Просто он любит ваш ресторан.

–Ну-ну, не прикидывайся! Ты прекрасно понимаешь, что он приходит сюда ради тебя!

–Возможно, только это не имеет никакого значения.

–Как знаешь. А он красивый.

–Так в чем проблема? Познакомься с ним, ты это умеешь.

–Да, но он не простой. Видно.

–Ты любишь простых? Меня наоборот всегда тянуло к чему-то непонятному.

–Вот! Поговори с ним!

–Нет, Джулия! Даже не подумаю!

–Да брось ты! Ну, подумаешь, предложил переспать с ним! Ты же отказалась, он извинился, забей!

–Я не хочу. Просто не хочу. И неважно, что он говорил!

–Короче, делай, как знаешь, только не упускай важное.

–Он – не важное, поверь.

–Не упускай! – крикнула Джулия, закрывая дверь.

Я улыбнулась. Думаю, она никогда не перестанет меня удивлять.

Я быстро переоделась в свое. Футболка, джинсы и кеды. Повесила платье на вешалку, убрала туфли в шкаф. После выступлений я нравлюсь себе в зеркале. Смотрю и не узнаю себя. Глаза, такие блестящие, на губах красная помада, волосы аккуратно уложены. Такое в обычной жизни бывает редко.

Я стерла помаду, накинула куртку, взяла сумку и вышла на улицу.

—Добрый вечер, мисс Франц.

—Опять вы.

—Да, это снова я.

—Не скажу, что рада встрече.

—Я и не жду этого от вас. Вы сегодня чудесно пели, как никогда ранее.

—А вы врун.

—Я? — удивленно переспросил он.

—Да. Вы обещали, что больше я вас никогда не увижу, и солгали.

—О, простите, это выше моих сил. Как я могу идти против сердца!

—Так, хватит болтать. Сегодня я не забыла вилку дома, так что ваша лапша на моих ушах долго не задержится. Спокойной ночи, сэр. Надеюсь, ваше сердце кто-нибудь успокоит.

—А что, если я не такой, каким вы меня видите? — совер-

шенно другим голосом спросил он.

–А вы знаете, каким я вижу вас?

–Могу представить.

–Тогда будьте тем, кто вы есть на самом деле.

Он молча смотрел на меня. Мне вдруг стало не по себе от его взгляда.

–Уже поздно, мне пора. Прощайте.

–Позвольте подвести вас!

–Нет, спасибо, я поймаю такси.

–Но ведь уже поздно, Нью-Йорк, тем более, Бруклин, опасен для тебя, Джейн. Давай же, я не съем тебя.

–Мы перешли на ты? Хотя, ладно, так удобнее.

–Так что? – открывая дверцу машины, спросил Дэвид.

Усталость заставила меня согласиться. Я немного пошевелила мозгами и села в машину.

–Честно признаться, я всегда очень удивляюсь, когда вижу тебя вне сцены.

–Почему?

–Ты и та, что на сцене, такие разные.

–И в чем это проявляется?

–Как бы объяснить... когда ты там – ты богиня. Недостигаемая, величественная. Особенно когда поешь. Кажется, что дотронешься до тебя, и на пальцах останутся ожоги. А потом, когда я вижу тебя, выходящей из ресторана... так хочется защитить тебя. От всего мира, от всех, даже от тебя самой. Хоть я и чувствую, что ты сильная. Знаешь, сильные

люди ломаются куда болезненнее слабых.

–Ты психолог?

–Нет, совсем нет. Я занимаюсь рекламой. Видишь вон тот стенд? Это моя работа.

–Оу, никогда не любила рекламу.

Он посмотрел на меня и улыбнулся. Я не переставала смотреть в окно, тоже при этом улыбаясь.

Почему-то, мне хотелось узнать его лучше. Кто он, как живет, кто его друзья, кто родители, женат он или разведен, есть ли у него дети. Хотелось узнать его, настоящего. Того, кого он прячет внутри себя, впрочем, как и я.

–В кого у тебя такой голос?

–Эм, моя мама очень любила петь и...

–А сейчас?

–Что?

–Сейчас? Твоя мама поет сейчас?

–Думаю, да, – задумчиво проговорила я.

–Это что-то личное, да?

–Ты и не представляешь, какое...

–А моя мать лежит в психиатрической лечебнице.

Я тут же повернулась к нему.

–Она писательница, – продолжил он, – точнее, была. Написала несколько книг, но отдала их не тому издателю, и свет так и не увидел их, к сожалению. Знаешь, это были очень хорошие книги! Я прочитал все. Она очень страдала из-за этого. Быть непонятым, непринятым для творческого чело-

века – самое страшное. Думаю, ты понимаешь. Она целыми днями читала, писала, читала и писала. Отец никогда не подерживал ее, ему казалось это полной чушью. Писательство для него не было чем-то достойным уважения. Он... он не принимал ее всерьез, никогда. А она его так любила... Потом... а потом все потекло к концу. Он начал задерживаться на работе. Не ночевал дома. В итоге, мама застучала его с какой-то девкой, у нас дома, на их постели. И все. Теперь она там.

–Мне... мне очень жаль. Поверь, я говорю искренне.

–Я верю. Знаешь, я давно ни с кем об этом не разговаривал. Почему-то, чувствую, что могу тебе довериться.

–Я не из болтливых, так что, будь уверен, это все останется между нами.

–Спасибо. Извини меня, пожалуйста, за то... предложение. Я просто был не в себе в тот вечер. Не знаю, что на меня нашло.

–Я не скажу, что такое бывает! но мы же люди, должны прощать друг друга.

–Сколько тебе лет? Извини, если это не самый лучший вопрос. Просто, ты так здраво рассуждаешь...

–Мне двадцать один.

–Всего двадцать один... я бы дал больше. Не внешне! А по твоим рассуждениям.

–Я иногда думаю, что мне лет сорок.

–О, ну не сорок точно! – улыбнулся он.

–Но тридцать пять есть, да?

–Тридцать пять есть мне.

–Тридцать пять?! Ой, прости, я просто не ожидала. Эм, ты не выглядишь на свой возраст. Я... я как-то удивлена.

–Я старый? – засмеялся Дэвид.

–Нет! нет, просто я не привыкла общаться с мужчинами старше двадцать пяти.

–У меня столько вопросов к тебе, не знаю только, откуда они все берутся! Мне кажется, я столько должен узнать о тебе, что в моей голове это вряд ли уместится.

В этот момент мы подъехали к моему дому.

–Начни с Google.

–В смысле?

–Набери имя «Джейн», посмотри, что оно значит. Прочитай характеристику моего знака. Кстати, я лев. Так, дальше. Можешь покопаться на моей страничке в Facebook и Twitter. Может, что полезное откопаешь. Ну, а там посмотрим!

–Ты удивительная девушка!

–О, нет-нет-нет, это сейчас было лишним. Я не удивительная и совсем не такая, какой ты представляешь меня себе. Поверь, ты разочаруешься. Спокойной ночи, Дэвид.

Я захлопнула дверцу машины, достала ключи из сумки, открыла дверь. Он уехал, когда я закрыла дверь изнутри.

У меня перед глазами стояло его лицо, когда он говорил о своей матери. А потом как оно менялось, когда речь заходила об отце. Это все так странно. Ты вроде должна ненавидеть

этого человека, а потом просто понимаешь, что его душа такая же ранимая, такая же зараженная грустью.

Странно, но он вдохновил меня на что-то новое! Всегда так: потеряв одного близкого человека – начинаешь искать другого. Мне захотелось что-то поменять, я не хочу протухнуть под крышей своего дома. Хочу развиваться и жить! Я знаю, они этого хотят. Смотрят на меня и хотят помочь, но не могут. Кто может помочь мне, если я сама не могу? Итог – я должна жить. Полной, счастливой жизнью! Да, я многое пережила, у меня для счастья одна тоненькая нить... все остальное покинуло меня. Но если я потеряла кого-то, я должна помочь выжить другому. Господи, как жаль, что завтра во мне умрет мой нешуточный настрой на счастье.

–Проснись, лежебока!

–М-м-м, я не могу, – мычала я.

–Уже обед, я и так дала тебе выспаться! Знаешь, как я терпела, мне за это полагается награда, между прочим! Кстати, кто подвез тебя ночью? Прости, я любопытная.

–Стоп-стоп-стоп! Слишком много вопросов, а я пока не свежо соображаю. Я слышала что-то насчет награды? Так, сейчас я открою глаза, умоюсь и приготовлю печенье, хочешь?

–Ты сейчас говоришь, как заботливая мамочка.

–Не смейся! Я же сказала, не соображаю!

–Так, печенье я запомнила. Вставай и умывайся! Я жду подробности.

Как ни странно, проснулась я в какой-то другой жизни. Я так боялась вернуться в свою рутину, а мой внутренний настрой никуда не делся! Я просто тащусь! Уж простите за столь простоватые выражения чувств.

–Так, рассказывай!

–Давай по порядку, что тебя интересует? – почесав затылок, спросила я.

–Кто он!

–Не поверишь, но это тот самый мужчина, который счел меня за проститутку в тот вечер, помнишь?

–Что?! и ты так спокойно отнеслась к этому? Боже, это не ты!

–Эй, успокойся, послушай дальше!

–Ну, давай, – скептически посмотрев на меня, сказала бабушка.

–Он извинился передо мной, и, знаешь, мне кажется, он не так плох, каким показался нам сначала! Все совершают ошибки, он не исключение. Да и не мне его судить.

–Не суди саму себя строго и не осудят другие.

–Себя я всегда сужу строже остальных. Это же я. Я знаю подробности, знаю причины. Он тоже, наверное, не снисходительно относится к своей персоне.

–В принципе, ты права. Ну, и как он тебе? Машина у него, по крайней мере, меня удовлетворила.

–Ох, неужели ты такая коварная? – засмеялась я.

–Тяга к комфорту и безбедному существованию никак не

определяет меня, как коварную особу.

–Ага, ты вот так официально разговаривать у дедушки научилась?

–А он был отличным учителем, правда? – подмигнула она.

–Не то слово...

–О-о-о, не грусти! Все они видят нас, все они с нами.

Смерть – это нечто неизбежное.

–Да, наверное. Знаешь, я захотела новое платье! И туфли.

Пойдем со мной, по магазинам, м?

–Ох, я даже не знаю.

–Брось, будет весело!

–Шопинг никогда не доставлял мне удовольствия!

–И мне, кстати, тоже. Но времена меняются! Ты должна пойти со мной и никаких отговорок!

–Ну... ладно. Хорошо!

–О, класс! Я пойду собираться!

–Ты хоть кофе свой допей!

–Я не голодна, у меня слишком хорошее настроение, поем я тогда, когда снова заплачу!

–Тогда, я надеюсь, есть тебе не придется.

–Эй, я все слышу!

Она засмеялась.

Я собралась очень быстро. Мне всегда нравилось мое хорошее настроение именно тем, что я нравилась себе в любом виде.

–Все, я готова!

–Господи, что с тобой?

–А что не так?

–Я не видела тебя такой счастливой последние полгода!

–Ох, не напоминай мне о моей жизни, сегодня я о ней забыла. Сегодня я не хочу жить в себе, так что, пользуйся моментом!

–Хорошо, – настороженно улыбнувшись, сказала бабушка.

Мы вернулись под вечер, совершенно обессилившие.

–Сколько магазинов мы обошли?

–Ба, не говори мне о магазинах ближайшие десять лет.

–Ты права, я пойду, заварю кофе, думаю, ты не откажешься.

Я поднялась к себе, снова полюбовалась своим новым платьем и туфлями. Как приятно порой быть женщиной. Особенно женщиной с нормальной зарплатой!

–Дженни, к тебе пришли! – крикнула бабушка.

Наполнившись любопытством до самых пяток, я спустилась вниз.

–Мэт?! Как... как ты нашел меня?

–Привет, – растерянно промямлил он.

–Слушай, пойдем лучше куда-нибудь. Ба, я скоро вернусь!

–А как же кофе? Не угостишь своего гостя?

–Нет, он... у него аллергия на кофе.

–Ну, а на чай?

–И на чай тоже! Я скоро!

Я быстро накинула на себя пальто, и мы вышли на улицу.

–Зачем ты пришел?!

–Ты... ушла тогда и... я об этом много думал.

–Я жалею о том, что случилось в ту ночь. Прости.

–За что ты извиняешься?

–Наверное, за то, что ты об этом думаешь, а я стараюсь забыть.

–Оу. А я дурак.

–А?

–Я думал, у тебя что-то ко мне есть.

–Поверь, это круто, что ты вот так легко от меня отделаешься!

–Но я не хочу!

–Так будет лучше! Я... у меня много тараканов в голове и... и я слишком много думаю не по делу, вообще, я проблемная.

–Мне все равно.

–Ты влюбился? Не смей этого говорить, потому что...

–Потому что ты не хочешь этого слышать?

–Нет, нет, все совсем не так. Дело не в тебе, поверь. У меня сейчас очень много проблем, и я совсем не готова к чему-то такому.

–А это что-то такое?

–Это что-то лишнее сейчас.

–А потом?

–Слушай, я не Нострадамус! Прости. Видишь, я еще и ис-

теричка.

–Это не проблема, я тоже не самый идеальный человек на свете.

–Ты прям как тот старичок из «В джазе только девушки». Вспомнить бы, как его звали. Вроде Осгуд. Так вот, я могу сказать тебе лишь о том, что происходит сейчас. Сейчас я нуждаюсь в покое. Мне не нужны отношения. Я хочу быть одна, думаю, это звучит более четко. Я не хочу обидеть тебя, ты хороший парень, только я не для тебя.

–Ладно, я понял.

–Слушай, не обижайся!

–Ты отшила меня!

–И?! ты что, первый человек, которого оттолкнули?

–Меня никто и никогда еще не отшивал!

–Твою мать...

–Ладно, не думай, что ты какая-то особенная, просто мне с тобой было хорошо. Извини за беспокойство. Пока.

–Мэт! Мэт! Я не хотела тебя обидеть! Господи, за что мне все эти придурки! – подняв руки к небу, крикнула я.

Некоторые обернулись, посмотрели на меня, как на сумасшедшую. Но не думаю, что в Нью-Йорке, тем более, в Бруклине, это такая уж редкость. Я глубоко выдохнула и села на скамейку. Прекрасно начатый день, конец, как всегда, подкачал.

–Не расстраивайся.

–Боже! Ты меня напугал!

–Прости. Добрый вечер, Джейн.

–Да уж, добрый. Откуда ты здесь?

–Решил, что должен хоть как-то отблагодарить тебя за вчерашний сеанс психотерапии. Вот, это тебе, – протягивая мне коробочку миндального печенья, сказал Дэвид.

–Откуда ты знаешь, что я люблю именно миндальное?

–Я сам его люблю, ты же поделишься? – улыбнулся он.

Я засмеялась, открыла коробочку и протянула ему печенье.

–Спасибо. Так кто тот парень?

–Так, знакомый...

–Серьезно?

–Я как-то не готова с тобой откровенничать, знаешь ли.

–Все еще злишься на меня?

–Нет, уже нет, – чуть тише проговорила я.

–Так в чем дело?

–Никто об этом не знает.

–Думаешь, если там было о чем рассказать, он еще не растрепал своим друзьям? Знаешь, парни, вроде него, любят хвастаться своими «трофеями».

–Если это так, то я сейчас же пойду и повешусь.

–Так как?

–Короче, я переспала с ним.

Я осторожно посмотрела на него, его лицо отражало какие-то странные эмоции. Он, вроде, был удивлен, подавлен, ошеломлен, обескуражен. Но что точно происходило в его

голове, я так и не уловила.

—Он точно всем уже рассказал. Явно есть чем похвастаться, — посмотрев на меня, сказал Дэвид.

—Черт. Я была жутко пьяна и... у меня был тяжелый день, что-то вроде нервного срыва. Я пошла в бар. Там встретила подругу, ну, или знакомую, как угодно. Они праздновали там день рождения одного парня, я к ним присоединилась. Потом... было много выпивки. Я собралась домой, и он пошел меня провожать. Потом предложил пойти к нему. Я даже помню, о чем думала. Алкоголь всегда наводил на меня тоску, а мне есть по чему тосковать, поверь. И я просто не хотела остаться одна в этот момент. Я хотела переключиться на что-то. Короче, мне так жаль...

—В этом нет ничего ужасного. Знаешь, иногда нужно вот так встряхивать чувства мужчин, чтоб мы чаще думали о чувствах женщин.

—Возможно. Ладно, мне пора идти. Скоро в ресторан, нужно привести себя в порядок. Спасибо за печенье.

—Я приду, можно?

—Это же ресторан. Тем более, ты «важный клиент», — саркастично сказала я.

—Мда, деньги всегда делают погоду.

Дэвид опустил голову и улыбнулся. За последнее время он стал первым человеком, с которым я могла поговорить, это было сейчас как-то очень важно.

—Спасибо еще раз. Я буду рада, если ты придешь.

Я улыбнулась ему и пошла в сторону дома.

–Ну, и кто тот аллергик? – скрестив руки на груди, спросила бабушка.

–Он... хочет от меня больше, чем я могу дать. Как-то так.

–Короче, ухажер? Он достаточно милый... но я понимаю тебя.

–Я рада. Потому что это тяжело, любить кого-то, кто навсегда останется в твоих воспоминаниях идеальным. А тут Мэт. Я совершенно не готова к этому! Вообще не знаю, люблю ли когда-нибудь снова.

–Всему свое время, Дженни.

–У меня есть печенье, кстати. Выпьем чаю?

–А печенье то откуда?

–А это Дэвид. Встретила его сейчас на улице.

–Дэвид – это тот парень, что подвез тебя ночью?

–Да, именно.

–Не думаю, что он случайно оказался здесь.

–Ох, это не имеет значения!

–Пойдем, расскажешь все в деталях.

–Да нечего рассказывать!

–Идем!

Я засмеялась и пошла на кухню.

–Ну, и что тебе рассказать? – улыбнулась я.

–Все. Что ты о нем знаешь?

–Это странно, но за пару дней я узнала о нем больше, чем я знала о многих других людях, которых я знала на протя-

жении долгих лет.

–Это уже интересно.

–Так, его зовут Дэвид, ему тридцать пять лет.

–Тридцать пять?! Не слишком ли для тебя?

–О, не будь такой! Я знаю, что ты стараешься быть строже, чем есть на самом деле, но поверь, ты можешь доверять мне. Я понимаю в людях больше, чем может показаться на первый взгляд.

–Мне иногда кажется, что я сама тебя совсем не знаю.

–Это вполне возможно, ведь когда я приезжала сюда в последний раз, я была самым типичным ребенком! Ключевое слово здесь «ребенком». В каком классе я училась? Или я уже училась в колледже?

–Да уж. Я так и не вспомню. Давно это было...

–Так, я продолжаю дальше. Он работает в сфере рекламы, точнее пока сказать не могу. На вид он вполне умен, обходителен, галантен, не считая того случая в ресторане, но за него он извинился уже пару десятков раз. Эм, с его родителями дело обстоит не совсем хорошо. В принципе, я и сама не могу похвастаться идиллией в семье. Его мать лежит в психиатрической лечебнице. Она попала туда после того, как уличила своего мужа, то есть отца Дэвида, в измене. Она писательница, думаю, натура эмоциональная, поэтому так и случилось.

–Ничего себе, и это все он сам рассказал тебе? Из этого можно извлечь и еще кое-что: он – открытый человек.

–Я бы не сказала. Хотя, возможно, ты права. Так вот! Это пока все. И мне уже пора собираться на работу, не то я опоздаю.

–Знаешь, а это может быть интересно!

–Ты самая демократичная бабушка в мире! – засмеявшись, сказала я.

–Почему это?

–Кому еще бабушка скажет такое? Кого будет расспрашивать о ее парнях, разрешит работать по ночам в ресторане, поможет выбрать платье и обувь, не осудит за юношескую легкомысленность, психоз и максимализм?!

–Я же знаю, что ты умная девочка. И с тобой никогда не было проблем. Чего мне бояться?

–Не такая уж я и беспроблемная, ты знаешь.

–Это не то, за что ты должна корить себя до конца твоей жизни!

–Все, забудем об этом. Знаешь, я рада, что переехала. Что не говори, а папа никогда не дал бы мне забыть об этом.

–Он не со зла.

–Да, он из-за своей эгоистичности. Все, стоп. Я пошла собираться.

–Не думай об этом, все образуется, – крикнула мне вдогонку бабушка.

–Я знаю, – сказала я сама себе, посмотревшись в зеркало.

Иногда думаю, почему я обвиняю отца в эгоцентризме, когда сама не могу элементарно позвонить ему и узнать, как

его дела? Улетела в Нью-Йорк, искать покой и утешение, искать себя и свой путь в жизни, оставила его одного. Странно, что, даже понимая все это, я чувствую, что не хочу ему звонить, не хочу извиняться, не хочу назад. Возможно, я самый ужасный человек в этом мире после всего, что говорю, но правда лучше. Главное самой понимать то, что внутри. И я, наконец, начала.

–Дэвид придет послушать тебя сегодня?

–Думаю, да. Он всегда приходит.

–Мило. Надо и мне как-нибудь заглянуть к вам.

–Да, перестрой свой график немного, ложись вместе со мной в три часа ночи!

–Не смейся! Меня уже точно не переделать.

–Нет ничего невозможного.

–Возможно, но это невозможно!

–Как хочешь. Ну, все! Сегодня я буду блистать в новом платье, в новых туфлях.

–Он оценит.

–Эй, я и не думала о нем!

–Зато я подумала, вместо тебя! Ну, все, беги, опоздаешь.

–Да, пора. До завтра!

–Может, я проснусь, когда ты вернешься.

–Может быть. Пока!

Скоро, наверное, я возненавижу метро. Это страшное, битком набитое людьми, подземелье, где еще и поезда ходят! Помню, как в первый раз спустилась сюда. О! это бы-

ло такое важное событие в моей жизни. Детство – это так странно. Все новое, куда не посмотри! Сколько эмоций было, когда я впервые увидела беременную женщину, потом негра, потом услышала незнакомый мне язык, потом впервые попробовала кокосовое молоко и творожный пирог со сливками. Помню, как в первый раз прокатилась на двухколесном велосипеде, как научилась кататься на коньках, как в первый раз услышала слово «клавиши» вместо «кнопки», как была шокирована, когда вода в первый раз попала мне в нос, как радовалась, когда просидела под водой целую минуту (мне казалось, так я спасаю себя от смерти под водой). Вокруг было столько жизни, а потом постепенно все стало каким-то неважным. Со временем все теряет смысл, взрослые люди больше внимания обращают на невидимые глазу вещи, нежели на что-то материальное и осязаемое. Наверное, дети иногда бесят меня потому, что я им в глубине души завидую. Ха-ха. Я совершенно незрелая личность. За что мне выдали паспорт?!

–Привет Дженни!

–Хей, Джулия, ты сегодня прекрасно выглядишь!

–Серьезно? Вроде, как всегда...

–У тебя новая помада?

–Кстати, да. Но никто больше не заметил. Ты какая-то странная сегодня, – хитро улыбнувшись, заметила Джулия.

–Я тоже с обновками. Смотри, – достав из сумки платье, сказала я.

–Уау! Вот это красота!

–Это мое второе платье!

–Второе?! Эй, ты женщина, или енот?

–М-м-м, а почему енот?

–Не знаю, так, что-то в голову пришло. Не поверю, что ты всю жизнь прятала свою фигуру под свитерами и джинсами!

–Ну почему же прятала! Я не думаю, что моя одежда так уж скрывает все мои достоинства!

–Не все, наверное, но большинство!

–Ладно, проехали!

–Переодевайся! Время поджидает, а мне еще нужно поработать над твоим лицом.

–Как всегда. Слушай, почему я всегда пою джаз?

–Потому что этого хочет Джексон, скорее всего.

–Очень смешно. Было бы лучше, если б я пела песни, которые мне действительно нравятся.

–А вот с этим не ко мне!

–Поговори с ним, я уверена, он послушает тебя!

–А я не уверена. Он не из тех людей, что слушают всех подряд.

–Но ведь ты – не все подряд.

–А чем я отличаюсь от других? Это просто секс. Никаких обязательств и чувств, по крайней мере, с его стороны.

–Как так? Не может быть, чтоб он ничего не чувствовал к тебе.

–Почему? Вполне возможно. Знаешь, я не в настроении

сегодня говорить о нем.

–Извини.

–Да ничего, просто это болезненная тема для меня.

–Если захочешь поговорить с кем-нибудь, знай, я всегда тебе помогу.

–Спасибо, Джейн. Вот тебя все любят.

–А это еще почему?!

–Понимаешь, ты не такая, как я. В тебе есть что-то, что цепляет людей. Что-то необычное, возможно. И твой талант. В итоге, это все складывается и выходит нечто идеальное и достойное преклонения.

–Я далеко не идеальна.

–Мы все не идеальны. Я не знаю, каким словом можно выразить то, о чем я хочу сказать. Ты... ты вкусная! Допустим, висит в магазине два платья. Одно – ты, другое – я. Твой цвет, он притягивает, его хочется видеть каждый день, а мой... он тусклый. Если бы я выбирала между ними, я бы выбрала тебя.

–Если честно, мне нечего тебе ответить, но ты не права. Я бы себя не выбрала.

–Не буду спрашивать, почему. Я чувствую, что ты держишь в себе что-то, но иногда нужно просто кому-то открыться. Ты как жемчужина в своей ракушке.

–В ракушке, – усмехнулась я.

–Да, я умом блистать не привыкла. Ну, ты меня понимаешь.

–Думаю, да. Спасибо, Джулия, я прислушаюсь к твоим советам, обещаю.

–Ну, все, готово. Ты сегодня убьешь всех наповал своим внешним видом! Просто супер!

–Не могу не согласиться!

Дэвид, как обычно, сидел за дальним столиком. Странно, но я была рада видеть его. И это становилось какой-то дурацкой неизбежностью.

–Эй, Майлз, тебе не кажется, что рояль немного фальшивит? Наверное, нужно настроить.

–Да, есть такой момент. Сделаем! Ладно, до завтра, Джейн.

–Да, спокойной ночи.

–Раздаешь указания? – усмехнулся Дэвид.

–А, это ты. Да нет, знаешь, командовать людьми не моя тема. Из меня бы вышел никудышный управляющий.

–Я думаю, ты себя недооцениваешь.

–Знаешь, я люблю думать, но не люблю думать за других, так что...

–Устала?

–Не сказала бы. А почему ты спрашиваешь?

–Если ты не устала, значит, ты грустишь.

–Знаешь, это мое обычное состояние, – опустив глаза, сказала я.

–Джейн! Подойди на минутку! Нужно обсудить кое-что, – крикнул Джексон.

–Да, сейчас! Извини, Дэвид.

–Ничего, я подожду.

–Уже поздно, езжай домой.

–Это вежливость или ты действительно хочешь, чтобы я ушел?

–Я буду через десять минут, – улыбнулась я.

–Я жду.

–Ты звал?

–Да, Джейн, у меня для тебя хорошая новость! Теперь у тебя будет напарница!

–В каком смысле?

–Вы будете работать через день.

–Оу, хорошо.

–Я не понимаю, ты не рада?

–Нет, все нормально.

–Ну, тогда ладно. Ванесса придет завтра, сможете познакомиться. А мне пора, до завтра.

–Да, увидимся.

Ванесса. Какая к черту Ванесса?! Я же лев! Я не могу допустить сравнений с кем-то! Я всегда должна быть лучшей, да по-другому не бывает! да, это странно, эгоистично и ненормально, но это факт.

–Все, я готова.

–Что-то не так?

–Нет, все нормально.

–Точно?

–Пойдем, расскажу в машине.

Мне всегда казалось, что Нью-Йорк не умеет спать. Что в нем спим только мы с бабушкой, а остальные торчат в клубах, пьют текилу, курят марихуану, танцуют и веселятся! А утром просыпаются в чужих постелях, с совершенно незнакомыми людьми. Тихо встают, собирают свои вещи и уходят. В новый день. Когда спать?! Столько дел.

–Так в чем дело?

–Ты сейчас будешь смеяться, но мне не до смеха. Джексон нанял еще одну певицу. Мы с ней будем работать через день.

–Так разве это плохо?

–А что хорошего? Я не позволю кому-то сравнивать меня с другой, а сравнений не избежать!

–Гордость? – улыбнулся он.

–Скорее, самомнение высотой с Эверест. Да, я знаю, что это неправильно. Но что поделать, это у меня откуда-то взялось в крови, и не вымыть оттуда водой.

–Я уверен, она с тобой не сравнится.

–Ты меня успокаиваешь, а напрасно! Я глупая маленькая девочка, а что, если этой Ванессе очень нужна эта работа? Вдруг, она самый лучший в мире человек!

–Вот и увидим! Не переживай заранее.

–Ну да, я люблю так делать, – закатив глаза, сказала я.

–Но ты ведь не только из-за этого грустишь, не так ли?

–Поверь, это не то, что ты хотел бы услышать. Это не проблемы в школе или что-то подобное.

–Я понимаю. Ты можешь рассказать.

–Я тебя предупреждала.

–Джейн, если это что-то, что не дает тебе покоя – просто выскажи!

–Окей. Вот уже несколько дней меня мучает бессонница. Сон, который я считала своим спасителем, покинул меня. Ночь – это страшное время. Я не могу заткнуть свою голову, она не молчит, не может замолчать! И я думаю, думаю, до головных болей. Я всегда стараюсь что-то исправить, но в итоге все равно срываюсь. Я не хочу никого винить, но в итоге у меня просто не остается сил сдерживать себя, и я снова срываюсь. Я загнала себя в тупик и единственное, что я чувствую – постоянная грусть. Я не могу это изменить, как ни стараюсь. Самое странное, что я не могу ее определить, не понимаю причины. Да! Причины нет! возможно, это липофрения, но я в нее не верила, как я могла заболеть ею?! Я включаю Адажио Барбера и выпускаю пар солеными слезами. И хоть убей меня, я не знаю причины. Потому, что в этот момент я не думаю о чем-то конкретном, я не думаю о своих ошибках, потерях, не думаю о любви, которой со мной больше нет, я не вспоминаю самые страшные дни своей жизни, я не думаю о конце света и смерти, не думаю о том, что завтра все начнется сначала, хотя..., – я посмотрела на часы и продолжила, – завтра наступило уже три часа и девятнадцать минут назад. Мне нужно спать. Голова. Моя голова. Она не выдерживает.

Я уставилась в пол. Честно, я и половины не понимала из того, что говорю. Эта каша в моей голове варилась сама по себе, лишь язык мой как-то с ней контактировал.

—На тебя что-то давит. Я это сразу почувствовал. Ты держишь в себе какого-то зверя, который пытается вырваться из клетки. Что-то случилось с тобой в прошлом, что-то, что ты не можешь изменить, не можешь отпустить. Но пока ты не откроешься кому-нибудь, это так и будет грызть тебя изнутри. Ты разрушишь саму себя.

—И рассыплюсь тысячами мелких кусочков на полу своей комнаты. Кажется, мы приехали.

—Не беги от меня.

—Я и не собиралась.

—Ты закрываешься. Я уверен, что смогу понять.

—Я полгода держу в себе это. Просто не хочу обременять еще кого-то, кроме самой себя.

—Я просто хочу понять тебя.

—А если ты разочаруешься?

—Я не думаю, что ты сделала что-то такое, что я не смогу понять и принять.

—Знаешь, ты не думай, что я само совершенство. Да, я правильно говорю и иногда так же правильно думаю. Я ведь знаю, какой кажусь тебе. Умной девочкой из хорошей семьи, с прошлым пайнки-отличницы. Но так не было. Да, моя семья была самой лучшей, пока все не развалилось. Не думай, что я идеальна. Ты бы должен понимать, что идеальных лю-

дей нет! а я далека от совершенства. Моя совесть не чиста. Поверь, я знаю, о чем говорю. На мне вот уже полгода висит две смерти. Я не шучу, нет, не смотри на меня так, будто я выкинула какую-то офигенно смешную шутку. Я потеряла двух самых близких мне людей собственноручно, а затем потеряла и третьего. Отец никогда не простит мне этого, и в глубине души я его понимаю. Но все же, людям нужно давать шанс! Всегда! Даже самым потерянным, самым неизлечимым придуркам, всем! Я этого не понимала раньше, пока сама не стала чем-то, что приходится обходить стороной. Он даже не мог смотреть на меня, а я пыталась извиняться, захлебываясь от внутренней боли, которая раздирала меня на части, хотя... ведь я тоже потеряла любимых людей, это просто стечение обстоятельств, просто так получилось, это неисправимо, все, их нет, так дайте мне жить спокойно! Хотелось кричать. Я всегда знала, что убью себя и без их помощи, я грызла саму себя сутками напролет, не выходила из дома, только на кладбище, положить свежий букет бордовых роз. Я несколько раз пыталась покончить жизнь самоубийством, но в самый важный момент у меня дрожали руки, и я понимала, что отец просто свихнется, если еще и я лягу рядышком в гробу. Я почти не спала, потому что сон приносил мне одни страдания. Я засыпала и видела все, что произошло, каждую ночь одно и то же. Я подседа на успокоительное и снотворное, днями напролет пила кофе и энергетические напитки, только бы оживить себя немного. Не ела, не гуля-

ла, не отвечала на звонки и смс, плакала в ванной с включенной водой, чтобы папа не слышал. Он ненавидел меня в слезах, ему казалось, что я их не достойна. Я же виновата, как я смею плакать! Знаешь, я искренне возненавидела его. Ведь я человек, у меня сердце и душа такие же, как и его. Мне интересно, почему он не думает о том, что моя боль ничем не отличается от его, что она даже сильнее, потому что я чувствую вину. Я не хочу вспоминать, как проходили первые дни. Хотя, я этого не забуду. Отец со мной не разговаривал, меня таскали по полицейским участкам, в крови был алкоголь, вождение в нетрезвом состоянии, это не просто «перепил» с друзьями. Я угробила двоих, а ведь просто нужно было сказать, что я просто не в состоянии вести машину. Я часто думаю об этом... почему, почему я была так уверена в том, что мне влетит от матери сильнее из-за парочки бутылок пива, чем если я не справлюсь с управлением и улечу в кювет, три или четыре раза перевернувшись, вылетев в лобовое стекло, тем самым сохранив свою гребаную жизнь. Почему я выжила, почему! Иногда думаю, как живу с этим. Я больше не могу. Я не смогла в итоге, уехала сюда, думала, сбегу от воспоминаний, от ненавидящего меня отца, а оказалось, все мое прилетело сюда вместе со мной, я просто сменила обстановку. Я собиралась за него замуж, ты представляешь? Была назначена дата: 11 августа, дата нашей первой встречи. Я все угробила. Я так и не смогла встретиться с его родителями, думаю, они прокляли меня. Пусть это будет мо-

ей слабостью, но я не смогла. И знаешь, я иногда думаю, лучше бы я была героиновой наркоманкой, чем жить такой жизнью. Я не могу тащить это за собой, мне легче не становится, мне кажется, я иду по улице, и все тычут в меня пальцем со словами «Убийца. Она убила свою мать и жениха». Я так и слышу это за спиной! Ты в шоке, я знаю. Единственное, что меня успокоило, это сон именно на 11 августа. Они приснились мне, такие красивые, такие счастливые. Они не винили меня. Наоборот! Это успокоило. Я же тоже не железная, я знаю, что виновата, но этого не изменить, разве я могу как-то искупить свою вину?! Никак. И никогда.

Он молчал, смотря в мои покрасневшие от слез глаза. Самым важным для меня сейчас было то, что он не смотрел на меня, как на нечто, недостойное жизни.

—Иди ко мне.

Он обнял меня, я уткнулась лицом в его плечо. Я, наконец, выговорилась. Это очень важно, наконец, сказать то, что держал в себе столько времени.

Впервые за последнее время я почувствовала покой.

Глава шестая

И вот мое лучшее утро за последние несколько месяцев. Я очень люблю такие дни, когда просыпаешься и хочется сделать что-нибудь стоящее, что-нибудь не в твоём духе. Начать изучать генетику, закупить научной литературы, приготовить новое блюдо, позвонить старому другу, сделать неожиданный подарок близкому человеку, написать детскую ска-

зочку, сходить на выставку картин Моне или Дали, записаться на курсы испанского, выкинуть старые вещи, повесить новые шторы, улыбаться случайным прохожим, а главное – оставить прошлое в прошлом. Это очень важно: сделать такое утро чем-то постоянным.

–Доброе утро!

–О, Джейн! Доброе утро! Ты вся сияешь, выкладывай, – хитро улыбнувшись, сказала бабушка.

–Нечего выкладывать, просто сегодня какое-то особенное утро.

–Что же в нем не так, как обычно?

–Я хочу жить! Да, не удивляйся, жить мне на самом деле не хотелось, а сейчас! Сейчас что-то странное происходит во мне, но я не хочу определять это, не хочу вгонять в какие-то рамки. Я не хочу понимать, что это! Просто хочу, чтоб это ощущение не покидало меня никогда!

–Слушай, а этот Дэвид, каким бы подонком он не был, делает тебя живой...

–Ты думаешь, дело в нем?.. наверное, ты права. Он... он верит, что я лучше той, кем являюсь. Понимаешь? И мне тоже хочется в это верить. Я уже поставила на себе крест, а он как будто вселился в меня и тормозит каждую клеточку моего тела, лишь бы они держались вместе и не сдавались.

–Ты влюбилась, Дженни..., – улынулась бабушка.

–Нет... нет! поверь мне, я не влюблена! Он мой друг, мне просто нужен друг! Все, кого я знала, отвернулись от меня,

а он единственный, кто, узнав правду, не закидал меня камнями.

–Может, для тебя он просто друг. Но уверена ли ты, что он думает также?

Я задумчиво уставилась в пустоту, переваривая смысл ее слов. Так ли я была уверена в этом? Что я хотела получить от нашего общения?

–Вообще-то, я дала себе слово не думать сегодня ни о чем, так что, я собираюсь не нарушать данное самой себе обещание. Буду как Скарлетт, подумаю об этом завтра.

–Смотри, как бы тебе это решение не пригодилось сегодня.

–Ах! Что за манера, разрушать идиллию столь прекрасного утра!

–Я лишь стараюсь помочь, ты ведь понимаешь, что я права. Но! если ты не хочешь думать об этом сегодня, придется воздержаться от встречи с ним этим вечером. Выбирай, мы можем испечь пирог, просидеть весь вечер на диване перед телевизором, можем поиграть в четыре руки, можем достать старые фотографии. Перспективы никакой. Но если ты выбрала спокойствие на сегодня – останься дома. Кстати, я собираюсь к Майклу в больницу.

–Они вернулись?

–Да, вчера. Как я поняла, толку от лечения не было, – на выдохе проговорила бабушка.

–Черт. Я пойду с тобой!

– Не стоит. Поверь, в таком настроении не нужно соваться в отделение онкологии.

– Но я давно не навещала его.

– Я должна сказать тебе, раз мы заговорили об этом. Ему требуется операция по пересадке костного мозга. Но это не распродажа, ты понимаешь. Те, у кого есть связи, всегда впереди. Он на очереди. Но боюсь, мы не дождемся.

– Нужно что-нибудь придумать! Неужели мы вот так опустим руки?!

– Это жизнь. Знаешь, как у Дарвина, выживает сильнейший.

– Значит, мы окажемся сильнее.

– Энтузиазм – это здорово. Что ж, кофе еще горячий, пончики на столе, а мне пора. Ты сегодня работаешь?

– Да, как всегда.

– Я вернусь к вечеру, если не увидимся – удачного выступления.

– Спасибо, передавай им привет от меня. И... извинись за то, что не прихожу.

– Моника все понимает. До встречи, Дженни.

– Пока.

Жаль, что в жизни всегда есть что-то необратимое. Даже если сейчас в вашей жизни самое счастливое время – вы этого не поймете, пока оно не пройдет. А потом, когда придет понимание, будете терзать себя угрызениями совести. Как всегда, как все, как я. Странно, почему все именно

так. Почему именно так устроены наши мозги? Почему чувства так обманчивы? Почему жизнь не идет нам на встречу? Ее приходится ловить, в ней постоянно приходится падать, вставать, снова падать, и снова вставать. Пока это не войдет в привычку, пока это не станет чем-то повседневным. Ведь люди, наконец, поняли, что не бывает ненависти без любви, смерти без жизни, падений без подъемов, предателей без друзей, потерь без обретения. Все взаимосвязано, все имеет смысл, все имеет конец. Как и начало. Главное, понять это вовремя. Как-нибудь проснуться утром, вспомнить то, что приснилось, понять, что там, во сне, ты был счастлив. С другими людьми, в другое время, при других обстоятельствах. Так почему не можешь в реальности?! Главное понимать, что реальности без снов тоже не бывает. Вот так.

В дверь раздался звонок. Я вытерла руки полотенцем и побежала открывать.

–Дэвид? – удивленно сказала я.

–Да, извини, я не помешал?

–Нет, что ты. Проходи!

–Э-э, нет, спасибо, ты забыла шарф в моей машине.

–А, я и не заметила. Спасибо.

–Что ж, ну, я пойду?

–Может, все-таки войдешь? Я готовлю вафли.

–О, вафли! Перед этим я не смогу устоять.

Он вошел, настороженно заглядывая в гостиную.

–Я одна, – ответила на его немой вопрос я.

–А, здорово. То есть, я хотел сказать... э-э-э...

–Не объясняй, я понимаю. Пойдем на кухню.

–У вас очень мило.

–Серьезно? – скептически подняв брови, спросила я.

–Вполне. Очень уютно.

–Я, кстати, не знаю, где живешь ты.

–М-м-м, а тут, недалеко...

–Так ты живешь в Бруклине?

–Вроде того.

–Я удивлена.

–Почему? – настороженно спросил он.

–Ну, знаешь ли, такие тачки здесь не водятся, – засмеялась я.

–Она просто служебная, так что, у меня вообще нет тачки.

–Это ничего, безопаснее ходить пешком...

Улыбка испарилась с моего лица, как только я произнесла эти слова. Кошмары из прошлого всегда ищут пути наружу. Эти картинки в моей голове преследуют меня.

–А где твоя бабушка? – поспешив сменить тему, спросил Дэвид.

–А она пошла в больницу.

–Что-то не так?

–Нет, не с ней. С моим племянником.

–А что с ним? прости мое любопытство, но...

–У него лейкемия.

–Прости.

–Все нормально.

–Тебя это мучает да?

–Знаешь, я так хочу помочь ему как-нибудь, вытащить его с того света, так хочу, чтобы отец, наконец, снова заговорил со мной. Я хочу спасти Майкла, наверное, еще и затем, чтобы оправдать себя перед Богом.

–Ты не должна винить себя за это, ведь ты не сможешь бесконечно терзать себя.

–Я знаю. Но люди нашего времени живут одним днем, так что, этот сомнительный факт меня не очень-то успокаивает. И вообще, бесконечность – это такая странная штука. В ней всегда есть пробоины.

–Что ты имеешь в виду?

–Настроение никогда не бывает стабильным. Так как можно говорить о вечных муках, когда меня развеселит одна маленькая клубничка со сливками?! Муки – они в душе. А настроение – это то, что наводит туман на наше внутреннее состояние. Да, я всегда храню в себе эту боль, но ведь это не говорит о том, что я не могу быть счастливой, живя с этой болью.

–Твоим рассуждениям можно поплодировать! – засмеялся Дэвид.

Я наигранно поклонилась.

–Спасибо за твои бурные овации. Кофе или чай?

–Кофе, однозначно. Я кофеиновый наркоман.

–А я сливочный.

Я выложила на блюде вафли, залила их кленовым сиропом и добавила кусочки клубники.

–Выглядит безумно аппетитно!

–Я нечасто готовлю. Признаюсь честно, совсем не люблю это дело, но иногда находит что-то странное. Я открываю книгу с рецептами и заваливаю холодильник едой.

–М-м-м, очень вкусно! Я давно не ел вафель. Вообще, домашнюю пищу. Готовить я люблю, но не для себя одного. Чаще всего заказываю пиццу, или ужинаю в ресторане.

–Оу, это грустно! я не люблю ресторанный еду.

–Я тоже. Просто уже выработалась привычка за все эти годы.

–Ты был женат?

Он удивленно посмотрел на меня.

–Нет, но я делал предложение одной женщине, она отказалась и скрылась в неизвестном направлении, – опустив глаза, проговорил он.

–И как ты пережил это?

–А как люди это переживают? Ушел с головой в работу, получил повышение, пытался отомстить всем женщинам в этом мире... не в обиду будет сказано, но я твердо верил в то, что все женщины – продажные шлюхи. Прости за грубость.

–Так поэтому ты решил, что я соглашусь переспать с тобой? Тогда, в ресторане, – нахмутив брови, спросила я.

–Да, – быстро ответил он. – Но я был не прав, и я рад этому. Хотя, ты явно разбила сердце не одному парню!

– Не знаю, было ли это так на самом деле. Знаешь, мужчины всегда могут добиться того, чего желают. Женщины по своей природе слабее, мы можем быть с человеком из жалости всю жизнь, не дав ему этого понять. Мы будем искренне любить и заботиться! А вы, мужчины, никогда не жалеете наших чувств. Никогда.

– Возможно, ты права. И в такие моменты мне жаль, что я мужчина.

– А мне жаль, что я слабая женщина, – ухмыльнулась я.

– Нет, ты не слабая. Мне бы поучиться у тебя!

– Просто у меня нет иного выхода! Не могу же я ныть целыми днями!

– Я же оказался намного слабее обстоятельств, в отличие от тебя! Обидел такую девушку, как ты.

– Так, не будем возвращаться к этому, ладно?

– Как скажешь.

В этот момент у меня зазвонил телефон.

– Подожди минутку, я отвечу.

– Конечно!

– Алло, Джулия? Привет! О, нет, я не могу. У меня нет лишних денег, может, в другой раз? Хорошо. Повеселись там за меня!

Я выдохнула и вернулась на кухню.

– Это Джулия.

– Что-то важное?

– Нет! позвала в клуб.

–Надеюсь, ты согласилась?

–Нет.

–Почему? Сходи! Тебе это пошло бы на пользу!

–Я не очень люблю клубы и... у меня нет денег. Так что... Я уловила его удивленный взгляд, и мне стало не по себе.

–Да, Дэвид! Бывает, люди сидят без денег в Бруклине под Манхэттенским мостом.

–Нет, я не думал о деньгах.

–О, да ладно. По твоему взгляду это легко читалось.

–Правда? неужели, я такой предсказуемый!

–Нет, просто именно это ты скрыть не в силах.

–Извини. Просто я живу один, никаких проблем. Никаких трат. Поэтому я немного удивился.

–Бывает.

–Ну, мне пора идти, обед у меня не резиновый. Нужно работать, впихивать людям все, что только под руку подвернется. Спасибо за обед, за вкуснейшие вафли.

–Да ты просто искусный врун! Реклама – просто искусство завуалированного, завязанного красной подарочной ленточкой, вранья. Удачи! А я побегу на работу.

–Ты права. Я не очень-то горжусь этим! На работу? Днем?..

–Странно, не так ли? Нужно познакомиться с Ванессой, с новенькой, – закатив глаза, пробубнила я.

–Я могу тебя подвести.

–Нет, тебе нельзя опоздать.

–Ты – вполне уважительная причина!

–Что ж, тогда подожди пять минут, я переоденусь.

–Жду.

Я быстро сбегала в свою комнату. Решила, что для встречи с конкуренткой нужно что-то более деловое, поэтому выбрала самую строгую одежду из той, что у меня была. Брюки, рубашка и пиджак. Осталось с колледжа.

–Ого, я никогда не видел тебя в такой одежде!

–Поверь, я тоже уже довольно давно себя в ней не видела.

–Тебе идет! Без сомнений!

–Спасибо.

Я надела ботиночки на шнуровке, довольно женственные. Они лежали у меня именно для такого случая. Все-таки, я предполагала, что рано или поздно нужно будет выглядеть строже, дабы хоть как-то выглядеть на свой возраст. Пальто, шарф, перчатки. Я просто бизнес-леди!

–Ты действительно здорово выглядишь в этом!

–Верю, но свои кеды и джинсы я не предам.

–Ты мне и в них нравишься.

–Эй! Никакого флирта! – подмигнула я.

–Ох, прости, не удержался!

Всю дорогу до ресторана мы проболтали, я даже не заметила, как быстро мы приехали.

–Спасибо большое. Кстати, я сегодня не пою, так что лучше не приходи в ресторан, не то я посчитаю тебя предателем! – засмеялась я.

–Это хорошо, потому что у меня дела сегодня вечером, я бы не смог...

–Оу, не буду спрашивать, какие. Тогда, увидимся как-нибудь! Пока.

–До встречи, Джейн.

Я вышла из машины и вошла в ресторан.

–Хей, Джулия, ты что, работаешь двадцать четыре часа в сутки?

–Ну да, еще чего! Нет, я же сегодня в клуб, вспомни. Просто освободила свой вечер!

–Ах да, я забыла. Ты уже видела новенькую?

–Да, она у Джексона в офисе, – пробурчала Джулия.

–Ты что, ревнуешь? – улыбнулась я.

–А как не ревновать! Он нашел ее черт пойми где!

–Так он сам ее нашел?

–Да, в этом-то и проблема. Ты сама к нам пришла, а эту он притащил.

–Что ж, не волнуйся раньше времени, пойду, посмотрю на нее.

–Я с тобой!

Я усмехнулась, и мы пошли в офис Джексона.

–Привет Джексон!

–Добрый день, Джейн! Познакомься со своей напарницей!

–Я Джейн, – протянув руку, сказала я.

–Я Ванесса, очень рада знакомству!

–Я тоже, – пытаюсь улыбнуться, ответила я.

–Я слышала, как ты поешь! Мне далеко до тебя, но я рада, что мы будем работать вместе!

–Оу, спасибо, право, ты меня смутила.

Она широко улыбалась мне своей белоснежной улыбкой, на это было невозможно не купиться. Новая Уитни Хьюстон в нашем ресторане. Здорово, ничего не скажешь.

–Кстати, Джейн. У меня замечательная новость!

–Что? еще одна? – настороженно спросила я.

–Тебя хотят арендовать на вечер!

–Опять??

–Не горячись, не в этом смысле! Сегодня на Манхэттене будет просто чудовая вечеринка, сливки общества, самые влиятельные люди всего Ист-Сайда! И им нужна певица. Они позвонили мне, и я согласился. Тебя ждет огромная куча денег и возможность засветиться, кто знает, чем закончится это сборище денежных мешков!

У меня не было слов от изумления, я стояла с раскрытым ртом и пыталась улыбаться.

–Ты уверен, что это не ошибка? Что они хотят видеть там именно меня?

–Без сомнений!

–Это... это здорово! – воскликнула я.

–Определенно. Так, твое платье придет примерно через час, так что, тебе лучше дождаться.

–Платье?..

–О, да! Каролина Эрера. Оно потрясающее! – торопливо

протараторила Джулия.

–Сама понимаешь, у богатых свои причуды, – недовольно посмотрев на Джулию, сказал Джексон.

–Да уж. Недешевые причуды! Хорошо, тогда через час я буду.

Джексон не успел ничего ответить, у него зазвонил телефон. Сначала рабочий, потом мобильник. Мне всегда нравилось наблюдать за деловыми людьми. Они постоянно куда-то спешат, кому-то звонят, с кем-то встречаются. У них нет времени на мелкие глупости и страдания. Всегда привлекала такая жизнь, хотя сомневаюсь, что справилась бы с таким расписанием.

–Эй, Дженни, у меня появилось свободное время, пока Джексон будет на встрече, может, выпьем кофе? – предложила Джулия.

–О, было бы здорово!

–Подожди секундочку, я схожу за курткой.

–Да, конечно.

Я решила выйти на улицу, пока Джулия собирается. Ко мне тут же подскочила новенькая.

–Хей, ты оставила перчатки в офисе!

–О, спасибо! Я рассеяна в последнее время... Очень мило с твоей стороны!

–Нет проблем! А ты местная?

–Нет, я выросла в Сиэтле, приезжала сюда только на каникулы. А ты?

–Я из Аризоны! Приехала покорять Нью-Йорк! – мило улыбнувшись, ответила Ванесса.

–Это здорово, удачи в этом нелегком деле!

–Спасибо. Кстати, на это вдохновил меня твой голос. Я приходила пару раз сюда, не одна, естественно. Сама понимаешь, мне такие цены не по карману.

–Никогда не думала, что могу вдохновить кого-то на что-то хорошее. Это радует!

В этот момент вышла Джулия.

–Все, я готова!

–Эй, Ванесса, не хочешь пойти с нами? – решилась предложить я.

–Нет, спасибо, как-нибудь в другой раз. Я иду на встречу с риэлтором.

–А, что ж, увидимся!

–Конечно! Была рада познакомиться!

–Мы тоже, – буркнула Джулия.

Мы обнялись и разошлись в разные стороны. Погода была чудесная, день начался очень удачно. Нахождение в Центральном Манхэттене только улучшало мое настроение. Здесь жизнь всегда кипит!

Помню, как грезил Нью-Йорком в подростковом возрасте. В детстве это все как-то неважно: театры, музеи, Бродвей, Карнеги-Холл, постоянная суета, небоскребы, закрывающие собой солнце, куча возможностей, – сплошное вдохновение! Мы с мамой любили ходить по театрам во время

моих зимних каникул. Вы только представьте, 38 театров открывалось только в районе Бродвея и Западных 40-х и 50-х улиц! Это просто рай для таких, как я. После спектаклей я приходила домой и начинала рисовать. Я очень любила рисовать музыку из своей головы. Звучит странно, но получалось забавно. Потом мы все сидели и разгадывали, что же скрыто за моей абстракцией.

–Эй, о чем думаешь?

–Да так, ничего особенного. Куда пойдём?

–Тут за углом есть одна уютная кофейня. Слушай, не могу поверить, что Ванесса тебе понравилась!

–Она мила, по крайней мере. Ничего больше пока сказать не могу. И на твоём месте я не была бы так категорична! Кто знает, может она поможет тебе как-нибудь в отношениях с Джексоном!

–Может, ты и права. Но мне не нравится её подхалимство.

–Она просто новенькая, хочет понравиться нам. Ей нелегко! Новый коллектив, тем более, такой придирчивый! – подмигнув Джулии, сказала я.

–Не знаю.

–Неужели я тебя не убедила?.. Послушай, это все чушь! И если ты дорога Джексону – он не будет с кем-нибудь, кроме тебя. А если это не так – тут уж ничего не поделаешь.

–В этом ты точно права. Вот! Мы пришли.

–Оу, мило. Не была здесь никогда.

–Здесь просто наивкуснейшее шоколадное фондю! Тебе

стоит попробовать! А я не могу, чертова диета.

–Я не буду тебя терроризировать, так что обойдусь каким-нибудь пирожным.

–Привет, Джули! – крикнул официант, как только мы вошли.

–Давно не виделись, Паркер! Как ты? – ответила Джулия.

–Потихоньку. Как твои родители?

–Как всегда! Кусаются и грызутся!

–Ха-ха, передавай привет от меня!

–Да, конечно.

–Как обычно? Эспрессо?

–Будь добр. А ты что будешь, Джейн?

–Гляссе, пожалуйста.

Паркер согласно кивнул и удалился на кухню.

–Это твой друг? – спросила я, как только мы сели за столик.

–Да, старый знакомый, друг детства. Что за книга торчит у тебя из сумки?

–Оу, я решила почитать классику. Это Флобер.

–Уау, а я не помню, когда в последний раз читала что-нибудь. Если только историю США в колледже, – засмеялась она.

–А я без книг не могу. Кстати, хочу попасть в фонд библиотеки Пирпонта Моргана. Наслышана о нем, говорят, там хранятся самые редкие рукописи и авторские оригиналы литературных произведений.

–Мда, неудивительно, что всех мужиков так и тянет к тебе! Все-таки, от мозга зависит многое. А где эта библиотека?

–Не преувеличивай. Вроде на Восточной 36-й улице.

–Ты ведешь дневник? – внезапно спросила Джулия.

–А почему ты спрашиваешь?..

–Мне просто интересно.

–Честно... веду. Удобная штука, между прочим! Запишешь то, что происходит сегодня и через пару десятков лет у тебя будет прямое доказательство тому, что это действительно было в твоей жизни.

–Если честно, у меня никогда еще не было таких грустных друзей.

Я задумчиво посмотрела на нее и сделала глоток кофе.

–Я не такая уж и грустная.

–Нет, не в этом плане. С чувством юмора у тебя все в порядке, но глаза... твои глаза не улыбаются вместе с тобой.

–Ну и кто у нас здесь умный теперь? – попытавшись сменить тему, сказала я.

–Почему ты не хочешь поговорить со мной? – продолжала она.

–Наверное, потому, что пытаюсь это забыть... воспоминания не всегда приносят облегчение или сладкую ностальгию, понимаешь?

–Ты что-то натворила, так? И теперь совесть мучает тебя.

–Да, возможно.

–Это что-то связанное с мужчиной?

Я поняла, о чем она подумала. Простая история безответной любви. Это было бы в тысячу раз лучше того, что на самом деле скрывается в моей черепной коробке.

– Не пытайся угадать. Но с мужчиной это тоже связано.

– Любишь его?

– Хм... это сложно. Когда ты так и не разочаровался в человеке, но потерял его безвозвратно, трудно перестать любить, потому что в твоих воспоминаниях он становится идеалом.

– Он умер?

– Да, – немного подумав, ответила я.

– Прости, я просто хочу помочь тебе. Хочу, чтобы ты говорила.

– Я знаю.

– А ты очень его любила?

– Знаешь, мне иногда кажется, что он был моим помешательством. Что нормальные люди так не любят. Я была самой счастливой на свете! Мы должны были пожениться, но этого так и не случилось.

– Господи...

– Только не вздумай меня жалеть.

– Знаешь, я тоже потеряла свою любовь, только в отличие от тебя, для меня это не было сказкой. Любовь у него была какая-то странная. Он исчезал на недели, а то и месяцы, потом объявлялся, клялся мне в любви. Все было хорошо, а потом снова по тому же сценарию. Я страдала в этих отно-

шениях, но любовь... с ней не поспоришь. В итоге я узнала, что он связался с наркотой. Пыталась ему помочь, но он сам не хотел этого. Не знаю, сколько еще я смогла бы так жить, если бы в один прекрасный, а, может, и не прекрасный день, он не избил меня до полусмерти за то, что я смыла в унитаз его кокс. Сейчас он отсидживает свой срок за сбыт и употребление, а я заявление подавать не стала. Самое страшное во всем этом, что я все равно люблю его! Но знаю, что нас с ним больше никогда не будет. И я благодарна Джексону за то, что он помог мне, заставил жить нормальной жизнью.

– Вот это история. Я бы не выдержала такого, думаю.

– А с такими девушками, как ты, все бывает не так. У вас прекрасные мужья. Детишки, которыми гордятся все, красивые дома, толстые фотоальбомы, фотографии из Токио и Сиднея. У вас все иначе!

– Поверь мне, и в наших жизнях сказки быстро заканчиваются.

– А от чего он умер?

Я помолчала с минуту, разглядывая случайных прохожих. Всё думала, как это, разрушить чье-то устоявшееся мнение о тебе? Стоит ли оно этого? Что они подумают? Разочаруются ли? Или же примут в свои ряды неудачников?

– Это из-за меня.

– В каком смысле?..

– Он разбился на машине. Я была за рулем. Он на переднем сиденье. На заднем – моя мама.

Я боялась поднять глаза и увидеть сочувствие в отражении ее глаз. Я чувствовала, как слезы снова подступают, как я не могу их сдерживать. Как прошлое ходит за мной кругами по этой жизни, как тяжело до сих пор об этом вспоминать, как играет в голове его мелодичный голос, как он прикасается ко мне, как блестят мамины глаза после одного бокала вина, как все это болезненно близко ко мне сейчас.

—Черт, Дженни. Я не знаю, что сказать. Прости меня, дуру, что заставила тебя вспомнить все это! Я такая глупая! Ты... ты что, плачешь?

—Понимаешь, люди, которые знают меня, почему-то упорно верят в то, что я железный человек, что я сильная, как терминатор, что я обхожусь без лишних эмоций, что я золотой ребенок, не чувствовавший боли сильнее разбитых коленок. Но я так устала от этого, я так устала! Меня ничего не радует. Знаешь, как я мечтала о платье от Каролины Эреры? А что сейчас? Мне все равно. Я как будто разбилась с ними в тот день. Но мое тело, почему-то, продолжает таскаться по этой земле, совершенно ее не чувствуя! Я ненавижу себя за эти слезы, но они же текут по причине. По очень уважительной. Это были два самых дорогих и близких мне человека. Я помню, как мы мечтали с ним о нашем медовом месяце, как купим дом где-нибудь в Калифорнии, у нас будет двое детей, мальчик и девочка, как будем ездить все вместе на каникулы в Европу. Мы представляли свое идеальное будущее! Будущее, которое я сама разрушила. Он был самым

лучшим и любящим. Таких больше нет и, наверное, уже не будет. У меня была самая лучшая мама на свете, у меня все было идеально! Но мы поссорились с ней накануне, я пошла на вечеринку к подруге, напилась. Они с Эриком ездили к его родителям, наши мамы очень подружились, но на обратном пути его машина заглохла, они позвонили мне, чтобы я приехала и забрала их. Я думала, что смогу вести машину, не могла же я сказать, что напилась, из-за того, что мы поссорились. Я просто не хотела расстраивать ее снова, поэтому ничего не сказала. До них я доехала вполне нормально, они даже ничего не заметили, но потом... я перестала чувствовать скорость, перед глазами все поплыло и... я вылетела на встречку. Ехал фургон, я стала давить на тормоза. Но было поздно. Машина перевернулась несколько раз, слетев с дороги. А я... я не была пристегнута, вылетела через лобовое стекло при столкновении с фургоном. Я потеряла сознание, у меня была черепно-мозговая травма, ушибы. Потом мне рассказали, что машина взорвалась, и они оба сгорели в ней.

Я замолчала, жадно глотая воздух. Все это комом стояло у меня в горле, не давая дышать.

Я с трудом подняла глаза на Джулию, она смотрела на меня заплаканными, красными глазами. Я знаю, что ей нечего было мне сказать. Я и сама не знаю, что сказала бы в такой ситуации. В такие моменты слова излишни. Их просто нет.

Я сделала пару глубоких вдохов, достала платок из сумки, вытерла глаза.

–Теперь ты все знаешь, – совсем тихо проговорила я.

–Все-таки, люди правы. Ты – терминатор. Я на твоём месте давно повесилась бы на шнурке от своих кроссовок. Я бы не вынесла такой потери. Как ты держишься?

–Как видишь, у меня это плохо получается.

–А твой отец, где он?

–Он в Сиэтле.

–Почему ты не с ним?

–Он меня ненавидит.

–Не может быть, он же отец!

–Вот именно, он отец. Это матери нам все прощают, но не отцы.

На это она ничего не ответила, уставилась на свою чашку кофе.

–Но я знаю, что когда-нибудь я встречу с ними. Я знаю, что они смотрят на меня оттуда, я знаю, что они не винят. Я знаю, что они в раю, поэтому глупо будет с моей стороны зарезать себя или повеситься, после этого отправившись напрямик в ад. Я хочу искупить свою вину. Хочу прожить столько, сколько мне отпущено. Ведь все изменится к лучшему. Все будет хорошо, я это точно знаю.

–Ты удивительная, Джейн. Я таких людей никогда не встречала...

–Я рада, что ты не отворачиваешься от меня. Спасибо тебе.

–Как я могу отвернуться, что ты! Я хочу помогать тебе! И

если смогу как-нибудь – это будет здорово!

–Ты уже смогла, поверь, – улыбнувшись, сказала я.

Новая мечта всегда занимает место старой. Время идет, все меняется, в особенности, отношение к жизни и к мечтам. Париж уже не манит своей романтикой, Лондонские туманы все чаще нагоняют грусть, Нью-Йорк и Лос-Анджелес... ах, слишком шумно. Дорогущие морские курорты? Слишком роскошно, мы же все обычные люди. И вот тогда появляется новая мечта. Купить домик в одном из городишек в местах с умеренным климатом, чтоб не прятаться от холода или жары. Не тонуть в ливнях и не перегорать на солнце. Жить в свое удовольствие, смотреть фильмы с глубоким смыслом, читать вдвое больше, чем раньше и писать! Писать, пока паста в ручке не закончится. Гулять больше, знакомиться с людьми, которые совершенно ничего о тебе не знают и не смогут упрекнуть. Есть самую вкусную еду, не задумываясь о фигуре. Тратить деньги именно на себя, а не на то, каким ты должен выглядеть в обществе. Забыть о мире, не читать газет и журналов, мода? Да к черту моду! Хоть кого-нибудь она сделала счастливым? Счастливыми нас делают люди, и только люди. Счастливыми мы себя делаем сами. Так хочется порой рассказать людям о том, что чувствуешь к ним, но мы так густо заросли своими пороками, что они нам даже дышать без позволения не дадут. В чем ужасность проявления чувств? К чему наша гордость, если от нее одни страдания и ни тени улыбки? Мы грязнем в социаль-

ных обязательствах и мыслях других людей о нас, хотя чаще всего они совершенно отдалены от реальности. Почему так трудно жить в своем коконе? Не слушать никого и ничего, так ведь лучше! Только представьте себе, сколько всего мы пропускаем в жизни лишь из-за того, что боимся осуждения со стороны друзей и знакомых? Столько упущенных попыток стать счастливым, столько слез, столько бессмысленных взглядов... меняйте свою жизнь без сожалений. Просто хоть раз в жизни не думайте о том, что скажут, думайте о себе! Не упустите жизнь! Она так быстро проходит...

Глава седьмая

–Мэт? – удивленно спросила я, увидев его у дверей моей квартиры.

–Я стучал, но никто не открыл.

–Да, бабушки нет дома. Ты что-то хотел?

–Хотел извиниться за последнюю нашу встречу.

–Я тоже была неидеальна.

–Мир?

–Конечно!

–А что это у тебя? – указав на кофр, спросил Мэт.

–Оу, это платье, которое я должна беречь, как зеницу ока! Заходи! Выпьем чаю. Я как раз купила миндальное печенье и, кажется, у меня еще оставались вафли.

–Да, я был бы рад. Что за платье? Оно золотое?..

–Нет, – улыбнулась я, – оно дизайнерское. Каролина Эрера. Меня пригласили петь на одну вечеринку сегодня вече-

ром. Так что, даже этот маленький элемент, как платье певицы, должен быть идеальным. Признаюсь, я довольно сильно волнуюсь.

–Ничего себе! Поздравляю! У тебя все получится. Я уверен.

–Надеюсь!

–А я хотел пригласить тебя в кино сегодня вечером. Там какая-то романтическая комедия. Жаль, что не получится.

–Кино... сто лет не была к кино! Может, в другой раз? Думаю, завтра у меня будет выходной.

–Это было бы просто супер! – широко улыбнувшись, сказал Мэт.

В этот момент в дверь постучали.

–Подожди секунду. Это, наверное, бабушка.

–Да, конечно.

Я поставила печенье на стол и пошла открывать.

–Джулия? – удивленно проговорила я.

–Да, это снова я! Джексон не отпустил меня на вечер, сказал, что я буду нужна тебе на этом приеме. Мне не захотелось идти домой и вот я тут! Не помешала?

–Нет конечно! Проходи!

–Мэт? А ты-то что здесь делаешь?

–Он хотел пригласить меня в кино, – быстро ответила я.

–Кино?.. – настороженно переспросила Джулия.

–Да, – чуть тише сказала я.

–Да, но она не может, к сожалению, – грустно произнес он.

–А-а, ну, все понятно!

–Чего ты подмигиваешь?! – прошипела я.

–Ничего-ничего! что тут у тебя? Печенье?

–Да, миндальное, любишь?

–Если честно, не очень. Больше люблю шоколадное.

–Ну и слава Богу! – обрадовалась я.

Мы проболтали пару часов к ряду, потом вернулась бабушка. Я померила платье, оно было идеальным. Туфли решили надеть свои, так как их все равно не будет видно. Платье в пол. Меня это немного задело, я никогда не считала себя безвкусицей.

–Придется вызвать такси, раз это платье так важно сохранить в целостности, – засмеялась я.

–Ладно, я пойду. Увидимся завтра, Джейн!

–Да, конечно, до встречи, Мэт.

–Миссис Ланкастер, был рад знакомству!

–Взаимно, – улыбнулась в ответ бабушка.

–Что у вас с ним было? – начала Джулия, как только мы остались вдвоем.

–Ничего!

–Не ври мне, я знаю мужчин!

–О-хо-хо! Вот так заявочки!

–Выкладывай!

–Ладно! Ладно. Я с ним переспала в тот вечер, ну помнишь, был чей-то день рождения.

–Ты шутишь что ли?

–Какие к черту шутки. Ненавижу себя после этого.

–Вот это да.

–Я была пьяна, вот и все.

–Ты-то да, а он, похоже, влюбился.

–Да, похоже, что так. Поверь, я этого не хотела и не хочу.

–Я знаю. Ну, ладно, что было, то прошло! Иногда надо и над ними поиздеваться, в отместку за всех обиженных женщин планеты! – засмеялась Джулия.

–О, да твое коварство не знает границ! – подмигнула я.

–А ведь жизнь налаживается, Дженни...

–Мне страшно оттого, что все мои надежды бесплодны и мир остался таким, какой он есть: жестоким и несправедливым.

–Не думай о плохом.

Я промолчала. Запись, сделанная мной в блокноте этим вечером в такси:

Ах, все!

Единственное, что я могу – постараться жить дальше,

Без этих глупых улыбок и постоянной фальши,

Забывать и все.

Успокоиться.

Перестать иголками до крови прокалывать сердце,

Достать все, что было в моем потаенном ларце,

Возродиться!

Не думать,

*Даже если в голове моей ты, как поезд по шпалам,
Научиться жить, как другие учатся по журналам,
Привстать.*

Любить!

До последних ударов этого безнадежного сердца.

Этим чувством, слезами по щекам тоже можно согреться,

А можно и убить...

Пожелать!

*Скоро часы пробьют свои последние 12 по-старому,
Я прогоню этот год, не сказав самое нужное главному,*

Плевать!

Там,

Внутри, за железными заборами и оградой,

Я похоронила все, что когда-то было наградой

Нам...

-Чертов дождь, – выйдя из такси, пробубнила Джулия. –
А ты выглядишь счастливой!

-Просто, полюбила дожди.

-Нормальные люди не любят дождь! Ты заметила, какой симпатичный этот таксист? Мы обменялись номерами! Надо будет поискать его на facebook.

-Я на него и не смотрела. Слышала только, как кокетливо ты хихикала, – ткнув ее в бок, сказала я.

-А что ты там писала?

–Да так, все подряд.

Она с любопытством посмотрела на меня, но больше ничего не сказала. Мы вошли в здание через служебный вход. Все вокруг бегали, все занимались своими делами. Кто-то проверял свежесть закусок, кто-то музыкальную аппаратуру, кто-то на кого-то кричал за слишком яркий свет в зале. Все чем-то занимались! Ко мне тут же подбежала молодая женщина.

–Вы Джейн Франц? Я Изабель, организатор. Так, Люси проводит тебя в примерную, вот, держи, это песни, которые ты будешь петь. Думаю, тебе все это уже знакомо, так что, проблем быть не должно. Сможешь взять с собой тексты, если выучить не успеешь, на тебя все равно никто не будет смотреть. Сама понимаешь, никто не слушает саундтреки в кино, когда действия затягивают.

Протараторив все это, она побежала раздавать задания кому-то еще, я, шокированная, стояла на одном месте.

–Вообще-то, я слушаю саундтреки, – проговорила я.

–Я же говорила, ты ненормальная! – прошептала Джулия.

–Я Люси, идемте за мной.

Мы подчинились без лишних вопросов.

В комнате, которую, не знаю, почему называли примеркой, сидели музыканты, с которыми, по-видимому, мне придется работать.

–Я позову, когда нужно будет выходить, – сказала Люси.

–Но! – начала я, но она уже захлопнула дверь.

Мы с Джулией переглянулись, потом посмотрели на всех остальных. Шок – единственное, что сближало нас.

–Привет, я Джейн, – натянув улыбку, проговорила я.

Парни оказались просто чудовыми. Всегда любила творческих людей, нас всех что-то связывало: то ли сумасшествие, то ли нестандартное мышление, то ли музыкальное образование. Мы смеялись и шутили, пытаюсь обыграть все то, что нам оставила Люси. Песни мне понравились, и тексты и музыка. Я понемногу привыкала к этой совершенно нерабочей обстановке, спертому воздуху, слишком яркому свету и отсутствию нормальной уборной. Хотя, не буду спорить, меня очень удивлял этот факт. Нам заплатили столько денег, доверили платье, которое, наверное, стоит миллионы, но не предоставили нормальной примерной и репетиционной! Неужели они совершенно не боятся провала, фальшивых нот и неправильно выученных текстов? Странные, эти богачи.

–А кто-нибудь знает, что это за мероприятие? – вдруг спросила я.

–Я слышал, что вроде что-то связанное с какой-то крутой шишкой на Манхэттене, – сказал барабанщик.

–А мне сказали, что это связано с рекламой DKNY, – подхватил бас-гитарист.

–А мне вообще ничего не сказали, – засмеялась я.

–Что ж, узнаем на месте!

В этот момент залетела Люси.

–Так, господа музыканты. Как видите, на часах девять. Ве-

черинка начинается. Ты, ты и ты! Идемте со мной. Нужно создать музыкальный фон. А тебя, Джейн, пригласят чуть позже, когда гости наболтаются, и их будет нечем развлечь. Но они не многословны, так что будь готова в любое время.

–Хорошо, – ответила я.

Они вышли. Люси, бас-гитарист, барабанщик и пианист.

–Как-то я слишком уж волнуюсь, – дрожащим голосом произнесла я.

–Эй, Дженни! Ты просто должна будешь делать то, что у тебя получается лучше всего! У тебя все получится. Я не думаю, что может что-то пойти не так. Текст ты знаешь, а что еще нужно? Вы сработались, это важно, – поддержала Джулия.

–Как хорошо, что ты здесь!

–А все-таки репертуарчик ничего! песни очень красивые, можно порекомендовать их Джексону, а то его музыкальный вкус меня не очень радует.

–Меня, если честно, тоже, – согласилась я.

Мне было как-то невероятно хорошо. Мне было так, как не было уже давно. Мне было легко. Мне было без него все это! Это... очень странное ощущение. Жизнь без него. Оно и приятное, но грустное. Ведь быть переполненной чувствами куда лучше, чем быть пустой.

Я заметила, что неважно, какой сегодня день, неважно, что я делаю, в голове в куче самых разнообразных мыслей всегда путается Эрик. Я не концентрирую свое внимание на

этой мысли, но всегда чувствую его в своей голове. Принимать отсутствие дорогих нам людей необходимо. Необходимо для того, чтобы жить дальше. Я благодарна ему всей душой. Именно той душой, что начинала летать рядом с ним. Именно той, которую он научил летать. Я благодарна каждой клеточкой своего тела. Благодарна каждому мгновению и слову. Любовь уходит. Главное, суметь ее отпустить. Прощую любовь не вернуть. Она осталась в прошлом, значит, там ее место. Менять жизнь, менять себя. Вот, что остается, чтобы снова вспомнить, как нужно дышать без него. Не оставаться одной, не слушать музыку, которая может напомнить тебе о нем. Вычеркнуть. И забыть. По-другому никак. Я же умная девочка, господи! С того света не возвращаются, пора уже принять это. Меня поймет каждый. Вспоминать все, что было – это самоубийство. Это сжирание самого себя изнутри. Это скрытый мазохизм. Это конец, финал, финиш. Это все. А боль проходит. Она не может не пройти. Притупляется со временем. И у каждого из вас начинается своя, отдельная жизнь. Новые люди, новые интересы. Только иногда, ночью, когда мир замирает до утра, мы вспоминаем друг друга. Я здесь, он там. Вспоминаем, чтобы снова встретиться во сне. Чтобы снова увидеть самую дорогую на свете улыбку. Чтобы снова услышать самый нежный, самый любимый голос. Чтобы снова вспомнить. Но только во сне. А наутро проснуться с болью в груди. Сходить в душ, выпить горячего чая. А потом сон забудется. Они всегда забываются. Нужно

всегда помнить и не стараться забывать. Люди делают друг друга сильнее. Смерть – это не конец. Смерть – это скрытое продолжение. И я рада, что сегодня эти мысли есть во мне. Я рада, что они в состоянии родиться в моей простуженной голове.

–Я таких платьев вообще никогда не видела! – воскликнула Джулия, когда я повернулась к зеркалу.

–Оно просто волшебное, – прошептала я. – Как одежда меняет человека, только посмотри! Я себя какой-то принцессой чувствую!

–Ты готова? – залетев, спросила Люси.

–Как видишь.

–Тогда идем, пора.

–Джулия, пожелай мне удачи!

–Удачи целый мешок тебе!

Люси была права, никто в зале и не заметил моего появления, пока я не запела. Да и когда запела, повернулись единицы. Наверное, любители музыки. Остальные не отрывались от своей болтовни, бокалов шампанского и рассматривания друг друга исподтишка.

И в этот момент меня будто ударило током. Из этой толпы на меня, не отрываясь, смотрел Дэвид, окруженный кучей женщин, обвешанных золотом и бриллиантами. Они вертелись вокруг него, как рой пчел: что-то говорили, наигранно улыбались, хлопали по плечу.

Сказать, что я была шокирована – это значит, ничего не

сказать. Как человек, который ездит на служебной машине и живет в Бруклине, может быть здесь, причем не стоя в углу, а в самом центре событий, вокруг которого вертится весь этот мир, на которого косо, с недоверием и завистью смотрят все мужчины в этом зале, которому подливают шампанское при первом его зове, да даже не дожидаясь его просьбы! Куча моделей, фотографы. Все это – его мир, который он скрыл от меня. Скрыл намеренно, наверное, боясь осуждения за какие-то связи с обычной ресторанной певицей. Он же не благородный принц Уильям, да и я, признаюсь, не Кейт Мидлтон, но это все равно больно. Я же просто искала друга. Я ведь не просила его быть в моей жизни, я не звала его туда.

Время текло как-то предательски медленно. Мне было трудно держаться, я ведь должна быть актрисой на сцене, какие бы эмоции меня не охватывали в этот момент, как бы не хотелось убежать и снова расплакаться. Я видела, что ему тоже некомфортно, что он постоянно смотрит на меня виноватыми глазами, но не может подойти. Я должна понять, и я бы поняла, если б жила его жизнью. Но я не живу. Хотя, нужно чаще читать таблоиды, бедные, несчастные богачи! Конечно, это сарказм, но я никогда этого не понимала. Какая к черту разница, в Бруклине ты живешь или на Манхэттене?! Мы же не в XIX веке живем, а эти социальные разделения до сих пор с нами. Богачи все так же боятся связать свою жизнь с простолюдинами, а мы, в свою очередь, боимся светскости и чрезмерного внимания к нашей персоне, потому что не при-

выкли к этому. О-о-о, этот счастливый средний класс!

Наконец, гости стали расходиться, и я с радостью убежала в чертову примерку.

–Ты просто офигенно пела! А сколько чувства, я в восторге, Мерилин Монро просто в отпуске, прости Господи! – тараторила Джулия.

–Спасибо, – сухо ответила я.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.